

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МИРОВ**

У. ГАРНЫЙ

РУКИ ОТОРВУ!

Новые герои

Ульян Гарный

Руки оторву!

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гарный У.

Руки оторву! / У. Гарный — «Эксмо», 2017 — (Новые герои)

ISBN 978-5-04-089295-2

Продолжение увлекательного и потрясающе смешного романа «Ни слова правды»! Козлоголовый демон, отравивший княжичью стражу волшебным дымком, едва не расстроил планы Василия, занятого поисками своего меча Тричара, который пропал вместе с дружинником Сивухой. Пришлось Василию на пару с приятелем, троллем Тве, завалиться в трактир «Сивый причал», где внезапно обнаружился мертвецки пьяный Сивуха. Однако до обретения желанного Тричара было еще далеко...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089295-2

© Гарный У., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

У. Гарный Руки оторву!

Серия «Новые герои» основана в 2010 г.

© Гарный У., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Кликову М. П. – опоре и надежде

Глава 1

Ждите, вам – III

Я вышел от Романа, сжав кулаки и зубы. Жаль, что Каррохова пустошь не кабак за углом. Я вошел бы туда, взял солонку и перечницу, открутил у них крышки, положил перед собой четыре вилки. Потом объяснил всем Сухим, Мокрым, Знающим и прочим кирикам, кто они и что они, да так, что даже Махатма Ганди почувствовал бы неодолимое желание оторвать мне башку. И когда все эти подземные адепты Глубокой глотки бросились бы на меня, размахивая стульями и мешая друг другу, стал играть в «минус два». Сначала метнул бы перец и соль в головы двум первым, особо злым нападающим, засадил две вилки ближайшим, следующие две – остальным. А дальше – по наитию, все пошло бы в ход – стаканы, тарелки: эх, размахнись рука, раззудись плечо. Кулачок мой тверденький расколи башку басурманскую! Видения насилия слегка меня успокоили – ждите, всему свое время. Мечь – холодная закуска, а на горячее – раскаленная кочерга в жопу!

Кстати, об инструментах – у Сивухи надо бы меч забрать. Без Тричара я чувствовал себя неодетым.

В караулке сидел одинокий Трегуз, метал ножи в мишень на стене. Он зажал между пальцев левой руки три ножа, правой выхватил один и запустил его в цель, и пока первый летел, метнул с обеих рук оставшиеся два. Практически одновременно все три ножа поразили мишень, образовав правильную горизонтальную линию.

– Ловко! – похвалил я, пожал мощную ладонь, уселся в деревянное кресло и спросил: – Где Сивуха?

– Сменился да спать пошел. Чего надо-то? – ответил Трегуз.

– Он у меня меч изъясил прошлой ночью, забрать хочу, – объяснил я.

– В углу посмотри, туда все мечи складываем, – махнул рукой Трегуз и продолжил свои упражнения: на этот раз построил из ножей вертикаль.

Я порылся в указанном углу, но Тричара там не было. Украшенные драгоценными камнями и простые мечи, для людей и сынов грома, стояли в большой деревянной кадке как зонтики. Я перебрал каждый, перегоняя орудия смерти с одной стороны бочки в другую, испытывая легкую панику. Тричар непростой меч, он способен поразить не только человека, но и любую тварь магическую или реальную, к примеру, неупокоенного мертвяка.

– Трегуз, моего меча здесь нет, где он? – заорал я неожиданно для самого себя.

– Ты чего, Тримайло, разбушевался, в лоб захотел, я-то здесь при чем? Сивуха взял, с него и спрашивай, – насупился Трегуз.

– Мне нужно его найти, где сейчас Сивуха? – сбавил обороты я, не хватало еще со своими разругаться.

– Дома, в Боярской слободе, или в кабаке «Синяя пристань», рядом с Рыбным базаром, еще вроде баба у него где-то на берегу Ястреба живет, Лех знает точно, они, похоже, к ней по очереди ходят, – гоготнул Трегуз, успокаиваясь, – да ты не сумлевайся, Васька, не бывало такого у нас, чтобы мечи пропадали, может, Сивуха его спрятал где и сам тебе отдать хочет.

– Точно, я его просил за Тричаром приглядеть, – припомнил я.

– Во, а разбазлался, как Вострый на допросе, – прогудел Трегуз, – а вот смотри: гридень взял в каждую руку по три ножа и выстроил на мишени крест.

– Лихо! Ладно, побежал я, увидишь Сивуху или Леха, скажи, что ищу обоих, мне меч позарез нужен, скоро в путь-дорогу, – засобирался я.

– Меня с собой возьми! С тобой хоть на край света, – бросил мне леща Трегуз.

– Спасибо, друг! – обнял я его на прощание и пошел во двор, надо домой, подготовиться, до Горной Жории – многие версты.

Трясаясь в тарантасе, я подумал, что надо подкинуть пару идей насчет рессор и амортизаторов. А может, и насчет паровой машины или даже двигателя внутреннего сгорания. Ехали небыстро – улицы были запружены повозками, каретами, верховыми и пешими. Пользуясь случаем, я глазел по сторонам. Двух- и трехэтажные бревенчатые здания, создающие улицы, были покрыты резьбой и ярко раскрашены. Многочисленные башенки, фигуры диковинных зверей украшали крыши. Стены немногих каменных домов были покрыты изразцами. Улица пахла навозом и конской мочой. Не то чтобы приятней, чем бензином и выхлопными газами, это дело вкуса.

Когда приехал в собственные владения, перекусил на скорую руку. А тут вдруг Тве пожаловал:

– Слышал, ты Сивуху искать, с тобой пойду. Может, еще пару троллей взять?

– Вдвоем справимся, в Славене ведь мы, не в Диком Поле. Кстати, я в поход собрался, поддержишь? – предложил я четырехрукому.

– Тве два раза «друг» не говорит! Когда ехать? – только и спросил тролль.

Вот как, даже не спросил куда. Надо у Осетра сотню троллей просить и ребят Петра Жеребцова, человек триста, Трегуза возьму, Селезня. И собак, обязательно Хвата. Но сейчас – за мечом.

– Ты знаешь, где Сивуха? – спросил я Тве.

– Найдем! Пьет он, как рыба, в «Синей пристани», поди, – усмехнулся тролль, – я с ним на спор пить, Тве под стол упал, а Сивуха еще два ковша выдул, говорят. Сам не видел – сны смотрел.

Снова заложили тарантас. Я отдал приказание о приготовлениях и дорожных припасах, и мы отправились в сторону Рыбного рынка. Никола, из слуг моих, дорогу к «Синей пристани» хорошо знал, видать, не понаслышке.

Рыбный рынок можно было найти с закрытыми глазами – по запаху. В Речной слободе жили рыбаки и моряки, эта часть Славена сильно отличалась от тех, что я видел раньше. Разномастные домики лепились плотно друг к другу, иногда расступаясь перед кирпичными домами разбогатевших заморов¹, но только слегка, при желании супружескую измену можно совершить через окно, не выходя из своей спальни.

Сам Рыбный рынок тянулся к Нижнему Славену длинными деревянными рядами. Груды самой разной рыбы, раков, речных моллюсков создавали неповторимое амбре, от которого ноздри слипались сами собой. Я подумал, что надо бы научить местных копчению, но следующий ряд был как раз с сушеной, копченой, вяленой рыбой. А за всей этой красотой стояло приземистое здание из почерневших от времени бревен. Вывеска изображала подгулявшего бородатого мужика, который падал в воду с густо-синего пирса, прямо в объятия толстомясой русалки. Внутри было полно народу всякого звания, размера, национальности и степени опьянения. Среди разношерстой публики споро сновали половые в черных рубашках и штанах (на темном пятен не видно), разнося пиво, брагу и новоизобретенный (не без моего участия) самогон.

В углу сидел пьяный Сивуха в компании цыган в цветных рубахах и черных жилетах. Цыгане (обычного размера) скалились золотыми зубами, метали карты. Сивуха поднял свои, глянул и безучастно бросил обратно – пас. Мы с Тве протолкались к гридню, поздоровались, присели. Я сразу взял быка за рога:

– Где мой меч?

¹ Замора – моряк дальнего плавания, букв. побывавший за морем.

заставляя содрогаться трепуху в животе и жидкость внутреннего уха в голове, так что легкое головокружение после каждого слова мне было обеспечено.

– Какой хорошенький пупсик! Надо его одеть, замерзнет, – пробасила «кроха».

Надо признать, что ребенок был прав – меня била дрожь, от стресса и холода просто зуб на зуб не попадал. Вид моих крошечных рук и ног повергал меня в пучину отчаяния, а на низ живота я просто не смотрел – не решался.

Девочка подала мне маленькую шерстяную тряпицу, в которую я тут же завернулся.

– А как тебя зовут? – продолжала дубасить басами моя «хозяйка».

– Васька Тримайло, – ответил я ей в благодарность за одеяло.

– Ха-ха-ха, – залилась малышка, изображая человека, вдохнувшего гелий, и повторила: – Васька Тримайло.

– Как, как он сказал, его имя? – взорвался рядом чей-то бас.

Стало темновато, видимость заслонил старый бородатый цыган, сверкая на меня глазами.

– Изя, иди сюда, шлымазл³ безмозглый! Ты кого притащил, скотина? – загромыхал дед.

В комнату вошел давешний цыган, испуганно моргая.

«Борода» стал бить его посохом, на который опирался, приговаривая:

– Придурок, баранья башка, назвать бы тебя недоделанным, но мы с Сарой тебя славно скроили, Господь всемогущий лишил меня разума, когда я тебя старшим назначил. Ты ведь витязя уменьшил, а он город спас от нашествия, на секундочку.

– Но, папа, ты говорил, что нам насрать на город, сожгут – другой найдем, – слабо защищался Изя.

– Правильно, убеждай меня в том, что ты идиот и дебил, при чужих такие вещи болтать, а лох э компф⁴, а то, что этот парень по крышам бежал, чтобы пушки по толпе не стреляли, слышал? А не ты ли со своим выводком балбесов, моих внуков, прямо на стволы те шел, забыл? Лучше бы тебя прихлопнули тогда! А то, что отец твой и благодетель в это время в домах пустых на Дикопольской шерудил, не знал? Да я за неделю до этого на тот свет собирался, а когда нога сего богатыря, Господом осиянная, крышу дома провалила, страх такой силы меня поразил, что ко мне стояк вернулся, десять лет назад потерянный!

– Дак ты говорил, Господь тебя благославил, – попытался Изя прервать поток обвинений, но где там. Дед в ответ так громыхнул, что мне пришлось уши одеялом заткнуть, но мое крошечное тельце задрожало, как лист Иудина дерева⁵.

– Не позорь меня, верблюжий навоз, да простит меня Сара на небесах, клянусь, только ради ее памяти терплю тебя рядом с собой. Никогда тебе бароном не стать, если ты тухес⁶ с головой местами не поменяешь. Посмотри на одежды его и северного многорука. Ты герба золотого не видел? Да они из внутренней охраны княжеских палат! Через два-три часа здесь Осетр с Лехом будут вместе со всеми присными. И они нам всем обрезание сделают, только не думай, что на хрене! Я бы посмотрел на тебя без головы, думаю, никакой разницы! А вот баб с детишками жалко... Ты на нас железо и огонь навлечь хочешь? Говори, ослиная башка!

– А как они нас найдут? – елозил в поисках выхода Изя, получая очередную порцию «деревянной каши».

– И он еще спрашивает! Ты же их прямо из кабака забрал, об этом знает всего человек сто, не больше, не волнуйся, сынок, тайна, считай, что в банке... Дырявой!!! Возвращай Василию его размер, отдай ему тролля, верни, что взял...

³ Шлымазл – недотепа (*идиши*).

⁴ А лох э компф – дырка в голове (*идиши*).

⁵ Иудино дерево – осина. По преданию, на нем повесился Иуда, не вынеся стыда от совершенного предательства, и в память об этом, листья осины трепещут даже без ветра.

⁶ Тухес – задница (*идиши*).

– Папа, он сын грома, он нас всех убьет, к тому же карточный долг... – сбивчиво лопотал «седой» цыган, ломая руки.

– А, ты с ним играл?! Молчи, знаю, что нет, мне Огрызок все уже выложил. Если он тебя грохнет, мне придется снова его благодарить. У меня молодая жена, будут еще сыновья, не тебе чета. А старшим вон Якова поставлю. Он вроде не такой мышыгыны⁷, как ты, – воткнул последнюю шпильку дед в Изю, явно успокаиваясь, одеяло с головы уже можно было снять.

– Рахиль, выйди, нечего тебе на голых дядек смотреть! – приказал патриарх.

Девочка с ревом выбежала из комнаты. Изя осторожно снял меня со стола и поставил на пол, достал из-за пазухи знакомый деревянный шприц и обрызгал меня, видимо, той же водицей. Прошло несколько томительных секунд, и – хлоп, я крепко приложился головой о притолоку.

В комнате остались только я и бородатый, Изя счел необходимым ретироваться. Старик молча кивнул на ворох одежды.

Пока я одевался, появились бойкие чернявые девушки, постреливая в мою сторону яркими живыми глазами, стали расставлять на большом столе снедь и напитки.

– Откушай, Василий, не побрезгуй преломить хлеб с грешниками, ведь и Христос не гнушался, – пригласил меня патриарх евроцыган.

– Где Тве, старинушка, отдай по-хорошему, потом и полдничать будем, втроем, – по возможности спокойно возразил я, – кстати, ты имя мое знаешь, а я твое нет, невежливо.

– Ох извини, меня Авраамом свои кличут. А так – Бахти⁸.

– Слушай, Абрашка, если ты мне сейчас Тве не предъявишь, я твое гнездо по бревнышкам раскатаю, полетят куски по проездам, кусочки по улицам, а клочки по закоулочкам, не искушай, не нужно... – начал заводиться я.

Но Бахти рухнул мне в ноги и давай блажить:

– Не надо, витязь, не зори отцовского и дедичей, прости ты нас, убогих, оплошка вышла не со зла, все ухватка кафрская, не разобрались! А Изька, ты сам видел – дурак, позор всего рода, погубил нас...

– Заткнись, ты чего несешь! – уже не сдерживаясь, гаркнул я. – Где друг мой – говори!

– Здесь он, здесь, – указал старик на стол дрожащей рукой, – ты плохого не подумай, жив он и здоров, вот только...

Но я видел и сам – на столе стояла четырехрукая статуэтка, не более десяти сантиметров высотой. Тве так и застыл в сидячем положении, серый и голый, забавно раскорячив все свои четыре руки. Ни дать ни взять – танцующий Шива⁹.

– Большую цену на Востоке дадут за твоего друга, – начал было евроцыган.

Я его тут же оборвал:

– Какие деньги?! Тебе бы башку побережь, а ну тащи его одежду и верни его как был, ромал пархатый...

– Постой, Василий, присядь и мне позволь, умаялся я перед тобой скакать и обскажу тебе все, как есть, только сидя, умоляю, богатырь, уважь старческую немощь, – снова запричитал старик.

Знает, гнида, на каких струнах играть, но делать нечего, сам присел и деду разрешил. Он мне вина плеснул и начал рассказ:

– Мы-то раньше в Кнааре жили, это через Оксегейское море, в Акирии, где кафры живут. Народ мы небольшой, вот и приходилось то под ноливавцев, то под тепигейцев прогибаться.

⁷ Мышыгыны – сумасшедший (*идиши*).

⁸ Бахти – счастливец (*цыг.*).

⁹ Шива – один из богов индийской Тримурти, повелитель разрушения и покровитель йогов.

Но научились, грех жаловаться, через их западло¹⁰, хорошие деньги нажили. Ноливавцы ниже своего достоинства считали виноделие, а тепигейцы всех животноводов и мясников почитали за второй сорт. Однако и те и другие вино пили, мясо ели, кожаную обувь и одежду носили. Вот и смекай, мы не только у себя, но и у них виноградники разбили и скотину развели, успевай только горшки с золотыми закапывать. Эх, хорошие были времена, да прошли! Наши-то и в Ноливаве, и в Тепиге посты немалые при дворах царских занимать стали, молодежь в армиях у них служила, лучники всем нужны! Но всему конец приходит, и хорошему, и плохому.

Налетела на Акирию саранча – акиремцы поганые. Сначала они с Тепигой сговорились против Ноливава. А как стали одолевать, Ноливав предали и к Тепиге примкнули. Так обе страны ослабили и к рукам прибрали, ну и нас, понятно, тоже. А у акиремцев не забалуешь – все отобрала и на себя всех работать заставили.

Мы три восстания подняли, толку нет, только огонь и железо на себя навлекли. Акиремцев из-за моря тьма приехала – не совладать. Пришлось котомки собирать – и кто куда. Тогда-то кафры нам порошок камбоны и впарили, мол, любого супостата вмиг в нэчке¹¹ превратит. Спешка была, вот и купили, а как уменьшенных в нормальный размер возвращать, не спросили. Сами-то кафры умеют, они так через моря путешествуют: один всех попутчиков своих порошком уменьшает, в мешок кладет и на корабль садится, а на берегу соплеменников своих в нормальных людей превращает. А как, мы не знаем, кафры сюда не ездят, нам же в Кнаар, да и вообще в Акирию путь заказан, акиремцы яйца отстригут. Так что не обессудь, витязь, если бы знал, как тролля оборотить, сразу бы сказал. Но ты не горячись, что у друга твоего взяли – все вернем и денег тебе отсыплем за неудобства, всегда тебе послужим так, как сам скажешь. Слово твое для нас теперь как приказ.

Закончив свою сбивчивую речь, Абрам-Бахти прокричал чего-то на своем, и дом наполнился шелестом шагов, двери открылись, и толпа евроцыган заполнила всю комнату и коридор перед ней. Дед дождался, когда все соберутся, и... встал передо мной на колени. Живая волна прокатилась через ряды чернявых голов, и беспокойная братия, что-то бормоча, простерлась ниц передо мной.

– Слушать витязя как меня и во всем помогать, – приказал патриарх, – а теперь – вон.

Евроцыгане быстро сгреблись и убрались, тихонько прикрыв за собой дверь.

– Я, Василий, по гроб жизни тебе благодарен буду за тот день, когда ты надо мной крышу обрушил. Моя новая жена портрет твой заказать хочет и в спальне поставить, да больно ты прыткий – то там, то сям – не угнаться. Ключницу спроси – художник через день к тебе бегаёт – эскиз сделать хочет. А друга своего ты спасешь обязательно, кафров найдешь, а они тебе не откажут, сынам грома они поклоняются как богам, проклятые язычники. Наши уже тарантас твой нашли, ждет он тебя у дверей. Подарки для тебя в него уже сложили: золото и картас с «пять-шесть» водой.

– Что за картас? – спросил я.

– Трубка, которой тебя Изя уменьшил, а потом и в размер вернул, – ответил Авраам, – воду эту где-то в Горной Жории, из подземных озер берут, в наших краях редкость, однако для тебя ничего не жаль.

– А чего же твой Изя Тве так же, как меня, не уменьшил? – задал я резонный вопрос.

– Не знал, как на трольский организм «пять-шесть» вода подействует – могло ведь и не сработать, – развел руками старик.

– Слушай, а чего вы цыганами рядитесь, раз евреи? – поинтересовался напоследок я.

¹⁰ Западло – недостойное занятие, предмет и т. д. (*жарг.*).

¹¹ Нэчке – миниатюрная японская скульптура.

– Дак не любят нас в Славене, а к цыганам тут отношение особое: ни одна гулянка без них не обходится, вот мы с ромалами и договорились: город разделили да работаем по-тихому, – объяснил дед.

– Ладно, живите пока, только помни, если про кафров соврал – по ветру развею! – многообещающе попрощался я, взял Тве и пошел к выходу.

На улице меня ждал тарантас, груженный пожитками Тве, сундучком с золотом и красивым серебряным футляром с картаком. Возница Никифор встревоженно озирался, с подзрением рассматривая спящих по двору энергичных «цыган». Увидев меня, успокоился. Как только я сел в тарантас, рванул с места и понесся, нахлестывая лошадей. Я его понимал, мне тоже хотелось покинуть это место как можно скорее. Нижний Славен мы проехали довольно быстро – на улицах было полно народу, но в основном пешие. Они сноровисто расступались перед оскаленными мордами лошадей. По Сабельному проезду – на улицу Булатную, через Славенскую площадь, на Красную улицу, а там уже и Боярская слобода – дом.

Встречала нас раскрасневшаяся Беяна – оказывается, слух о похищении уже по всему Славену разнесся, как лесной пожар по ветру. От Осетра гонец прибыл – убедиться, что со мной все хорошо. Оказывается, младшую дружину под копые поставили: Нижний Славен прочесать, если мы с Тве не найдемся.

Гонца я обнадежил, соврал, что с Тве все в порядке. Не хватало, чтобы его собратья, тролли, в Нижний Славен заявили. Сам им все объясню позже, золото цыганское отдам, глядишь – обойдется.

Дома в сенях было не пройти: свертки, бочонки, сундучки. Я спросил Беяну, что за бардак. Оказывается, это все мне в дорогу – припасы, оружие, одежда.

– Куда столько? С ума посходили?! Мне персональный обоз понадобится!

Но Беяна стояла насмерть.

– Посмотрите, господин, это шатер, здесь рубашки запасные, солонина в бочонках, в поле дичь не каждый день встречается. В этих бурдюках – вода посеребренная, на жаре не протухнет, а в этих – вино, в мешках – веревки, а здесь – овес для лошадей. Дикое поле перейти – не шутки, а там еще горы. Сухари и солонину не трогайте сразу, они еще пригодятся, поначалу хлеб и дичину ешьте, пока попадаться будет. Ох, господи... – вдруг заплакала Беяна, – только ведь вернулся недавно, и снова... На кого нас бросаешь?.. – заблажила уже в голос, закрыв лицо руками.

Я невольно положил руку ей на плечо, хотел сказать, что-нибудь ободряющее, но увидел, что сквозь пальцы на меня смотрит торжествующий глаз. Я оглянулся: на нас смотрела вся улица. Болондинка – она и есть болондинка, но сценарий хорош и исполнительское мастерство на уровне. Я потрепал ее по плечу и ушел в дом.

Поставил Тве на полку, в спальне, нижнюю часть серого тела прикрыл вышитой салфеткой. Не то чтобы троллю было нечем гордиться, а приличия надо соблюсти. Поймал за локоть спешащую куда-то сенную девку, попросил кадку наполнить, поваляюсь в ароматной воде перед сном.

В спальне на столе меня ожидал дымящийся ужин. Молодец, Беяна! Дело свое знает.

Перекусил, помылся и – спать.

Голос тут же забубнил: «...Кочевники отличаются от оседлых народов так же, как разные виды животных друг от друга. Избежим избитых сравнений, таких, как волк – собака, дикие – домашние гуси, овцы – архары и т. д. Рассмотрим ленивца и шимпанзе.

Ленивцы, как правило, не покидают небольшой ареал, если там есть пища и вода. При чем его не беспокоит качество этих продуктов – достаточно наличия таковых и свободного к ним доступа. Шимпанзе постоянно находятся в поиске новых мест и лучшей пищи, их могут остановить только им подобные, развязав кровопролитную войну. Им не чужды ритуальные жертвы и каннибализм.

Обратим внимание, что кочевники поклоняются не столько силам природы, сколько божествам войны: монголы – Сульдэ, у гуннов – Ильбиз, у аланов – бог-меч Батраз и т. д. Кочевники, питаясь почти исключительно мясом, отождествляют себя с хищниками: волками, тиграми, соколами и т. д. Трудно представить, что символом кочевника станет бык, петух или павлин.

Кочевые народы действительно хищники среди людей. Идут они со своими стадами, несут постоянное беспокойство оседлым, шупают, ищут слабости. Если страна земледельцев сильна, они ждут момента, когда ситуация изменится. Показательна история Моисея и его народа: сорок лет пришлось ждать смерти последнего раба и ослабления охраны границ Ханаана. А до этого сыны Израиля ограбили и погубили семь народов в окрестностях.

Татаро-монголы тоже не сразу накинулись на Русь: сначала битва при Калке, долгая война с половцами, разведка, ожидание, подкуп, подбрасывание идей через обедневших князей, как результат – Любечский съезд, где раскол единого государства закрепился документально – «каждый держит свой удел». Дальше – проще: обещание военной помощи князьям при конфликтах и, наконец, главный козырь – ярлык на княжение с возможностью наследования власти, институт, ранее неизвестный на Руси.

Кочевники обеспечивали перемешивание генов, скрещивание народов и скота, исключали вырождение видов, людей и животных. Сейчас, когда мужчины и женщины, принадлежащие разным этническим группам и расам, общаются свободно, эта функция осталась невостребованной, и кочевники практически прекратили свое существование; остатки их, в небольших анклавах, радуют глаз туристов плясками и ритуалами».

Глава 2

Вставай, вставай, похмельем отягченный

Три громких гудка выбросили меня из постели, зеленое табло стальной метеостанции сообщило время и температуру воздуха: 06:00; + 24 градуса по Цельсию.

Я умылся, натянул футболку и шорты и вышел на плац перед неприветливым черным параллелепипедом с окнами-бойницами. Мимо протопали стройными рядами бойцы в камуфляже. Я пристроился за последними солдатами: решил принять участие в пробежке. Мы бежали по залитым солнцем асфальтовым дорожкам, потом повернули в гору. Земляная тропа была утрамбована тяжелыми ботинками до твердости камня и глубиной была по грудь бегущим, мне кромка доходила до середины живота. Пара поколений служивых прорыли ногами этот путь наверх. Каждый шаг давался с трудом, икры ныли, пот заливал глаза. Через два километра идея утренней пробежки уже не казалась мне такой привлекательной, но отступить было поздно. Когда мне стало казаться, что я сейчас рухну, мы вбежали на вершину горы.

Теплый ветер приятно ерошил волосы на голове, сушил мокрую футболку. На самом верху был небольшой вытоптаный пятак с флагштоком. Сержант, который бежал первым, уже приготовил флаг Лобаня к подъему. Когда я, последним, прибежал к месту подъема полотнища, он начал тянуть за веревку. Черно-белое полотнище с изображением китайской монеты поползло навстречу солнцу. Солдаты встали кругом, в который включили и меня, положили руки на плечи и понеслись по кругу, вопя, улюлюкая и даже завывая.

Увлеченный зажигательным движением, я кричал вместе с парнями, чувствуя крепкие руки на своих плечах. Зеленые горы и долины неслись каруселью вокруг, унося усталость и заряжая энергией.

Вниз мы мчались, хохоча во все горло, распевая какую-то разухабистую испанскую песенку.

Заскочив к себе, я принял душ, переоделся в предупредительно оставленную одежду – черную футболку и шорты с неизменной эмблемой Лобаня – и пошел искать кухню.

В Нижней зале меня ждал Беппе и завтрак: вареные яйца, белый хлеб, сливочное масло, овсянка и апельсиновый сок. Посуда на столе была из блестящей стали, вилки и ложки с коричневыми ручками из геттинакса напоминали маленькие штык-ножи. А у стиля Устинова есть будущее. Скромненько, но крепенько и брутальненько.

После завтрака Беппе утащил меня в зеркальный павильон, и мы продолжили занятия по древнему искусству (не путать с древнейшей профессией).

Доктор начал, как и вчера, с Койсанат¹².

– На прошлом занятии мы изучали защиту от недружественных прикосновений, – тоном заправского лектора вещал Беппе, жмурясь от удовольствия, – итак, молодой господин...

– Беппе, это невыносимо, мы же договаривались. Называйте меня Володей, юношей, учитывая разницу в возрасте... Как угодно, но прекратите изображать из себя дядю Тома¹³: масса¹⁴ то – масса это, хватит уже...

– Как скажешь, Володенька, но повторить пройденный материал все же придется.

– Защита от Койсанат требует создания образа зеркального доспеха, который защищает все тело, или следует сломать нападающему пальцы и запястье, – припомнил я предыдущий урок, – не следует позволять никому приближаться к себе на расстояние вытянутой руки, не

¹² Койсанат – искусство воздействием на особые точки на теле вызывать различные реакции организма.

¹³ Персонаж романа «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу.

¹⁴ Масса – обращение, принятое на Юге США, негра-раба к белому господину.

предприняв вышеупомянутых мер безопасности, либо сохранять дистанцию недостижимости любой ценой.

– Неплохо, – похвалил Беппе, – научнообразно, точно, понятно. Заняться преподаванием не думали?

Я не стал отвечать на этот явно отвлекающий вопрос, внимательно следя за действиями доктора. Все время, пока мы беседовали, Беппе подбирался ко мне крошечными шагами, двигаясь хитрым зигзагом. Но в момент, когда доктор принял позицию укола в точку Тензо¹⁵, я не стал отстраняться и услышал тонкий звон разлетевшегося гвоздя Карроха¹⁶.

– Отлично, и когда же вы превратили себя в стальную статую? – с несколько преувеличенным восторгом, лукаво щурясь, поинтересовался преподаватель.

– Когда мы сели в электромобиль, – довольный собой, рисуясь, сказал я.

– Ну, что же, молодой... человек, а теперь внимательно осмотрите себя, – уже серьезно предложил Беппе, указывая на левую сторону груди.

Я взгляделся, представляя броню на груди по сантиметру. Прямо напротив сердца торчала зеленая шпилька с синей головкой.

– Если бы это был гвоздь Карроха, вам бы сейчас зачитывали приговор в Плавильне за дела и безделицы, – доктор хлопнул меня по плечу, – всегда – это означает каждую секунду времени, неизменно, непрерывно, всечасно, денно и ночью, перманентно и если хотите – хронически, но вы обязаны быть начеку или станете добычей своих недоброжелателей и не сможете оценить, как прекрасна дарованная вам короткая и яркая жизнь.

Беппе вынул из моей груди зеленую шпильку, положил ее в стеклянную пробирку и засунул во внутренний карман. Увидев, что я с интересом наблюдаю за его манипуляциями, объяснил:

– Не серийная вещь, из воздуха такое не сделаешь, это нейростимулятор и диагностическая машина. На сутки добавляет энергии, хорошо тонизирует кровоснабжение мозга, а значит, повышает внимание, а также считывает основные параметры организма и сохраняет их в базе памяти. Поверьте, состояние вашего здоровья – моя главная забота. Эта иголка – моя разработка: ручная сборка. У меня есть запасная, я потом вам ее обязательно выдам, в составе аптечки, которую формирую по поручению господина, упрямо именуемого вами Ченом Лобанем.

Но мы отвлеклись. С защитой вы ознакомлены, теперь перейдем к нападению, уверен, вам понравится. Самый простой способ подобраться к объекту – убедить его в полной вашей лояльности, заставить почувствовать себя в абсолютной безопасности. Здесь необходим комплексный подход к передаче информации: используйте вербальную коммуникацию и язык тела: опущенная голова, взгляд рассеянный, направлен в сторону, никаких проникновенных зрительных контактов. Фразы выверенные, полные оптимизма, пронизанные духом сотрудничества и взаимопомощи: «Мы из одной группы, цели у нас общие. Все под контролем, мы должны доверять друг другу, иначе станем уязвимы», и т. д. Такая тактика работает в отношении рядовых граждан, продвинутый пользователь реальности сразу раскусит подвох. В таком случае, если перед вами искушенный противник, следует положиться на блицкриг, внезапную скоростную атаку. Лучшее всего – момент, когда объект считает, что находится в одиночестве.

Теперь перейдем непосредственно к геометрии атаки. Все уязвимые точки человеческого тела соответствуют пересечению диагоналей любого воображаемого четырехугольника, наложенного на части тела. Воздействие на эти точки может оказывать оздоровительное, парализующее или разрушительное действие. Желаемый эффект достигается тремя способами: физиче-

¹⁵ Тензо – посиди, а точнее: сиди тихо и тупо жди (*кит.*).

¹⁶ Гвоздь Карроха – черная тонкая булавка, от укола которой чувствуешь невероятно сильную боль, при попадании в специальные точки может привести к смерти.

ским, опосредованным (с помощью магических игл) и ментальным. Последний метод доступен только адептам, посвятившим себя искусству без остатка, но даже их возможности ограничены законами образных воздействий. Поэтому сосредоточимся пока только на первых двух. Простое, непосредственное воздействие на противника вам более чем знакомо. Хочется, однако, обратить внимание на недостаточно оцененные большинством бойцов точки на руках и ногах, особенно отметим предплечья и голени как спереди, так и с обратной стороны конечностей. Теперь об уже знакомых вам гвоздях Карроха. Создавать их человеку не под силу, поэтому их следует просто собирать в месте, которое называют Сад боли. Туда нам еще рано, поэтому первоначальный запас вы получите от меня.

Беппе протянул мне золотой портсигар, украшенный рубинами и изумрудами. Драгоценные камни создавали схематичный портрет Лобаня. Внутри из мягкой подложки торчали рядами черные пирамидки. Я вытащил иглу. К моему удивлению, она была сантиметров десять, а портсигар выглядел как стандартный. Доктор усмехнулся:

– Этот небольшой фокус с пространством станет одной из будущих тем наших уроков. Вернемся к нападению, *vorwärts!*¹⁷

Беппе создал двух сомбрэнов самого угрожающего вида, и под его руководством я обездвизивал, вызывал спазмы, парализовал тела и конечности моих зазеркальных противников.

Через пару часов я устал, но все же заметил и пресек неожиданную атаку своего тренера. Состояние настороженности не покидало меня, не позволяя застать врасплох. Правда, теперь, имея магические иглы, игра в «нападалку» становится двусторонней, но сообщать об этом моему учителю я не торопился.

Беппе объявил перерыв, мы съездили на пляж, славно поплавали под надзором катера и аквалангистов. Когда вернулись к месту упражнений, нас ждала походная кухня, которая привезла обед. Заправившись гороховым супом, пшеничной кашей с мясом и овощами, мы утолили жажду, распаленную специями, компотом из каких-то экзотических фруктов и продолжили занятия в зеркальном павильоне.

– Теперь мы займемся созданием теней предметов. Я уверен, что у вас не возникнет сложностей при создании копий картин или продуктов. Трудно представить и материализовать сложные по составу предметы, такие как пистолет или кислота. Упростить задачу может наличие копируемой вещи, ее достаточно показать зеркальному лабиринту. Если такая процедура невозможна, следует четко представлять конструкцию и состав воспроизводимой вещи. Начнем с холодного оружия. Следует учитывать, что лучше всего для ножей, сабель, мечей и т. д. подходит марка стали 5ХГС. Прошу ознакомиться с ее характеристиками и структурой. – Беппе повесил на зеркало небольшой плакат с изображением кристаллической решетки и специальными терминами. – Не создавайте каких-либо сложных привинчивающихся или клееных рукояток – только цельнометаллические предметы...

Это было только начало.

Я создавал ножи, сабли, арбалеты, луки и стрелы, пистолеты, автоматы, хлеб, масло, мясо, рыбу, иголки, крахмал, уголь и селитру. Казалось, это будет длиться вечно, но на фоне темнеющего неба Беппе произнес наконец такую желанную фразу:

– На сегодня все.

Но любопытство взяло верх над усталостью, и я спросил:

– А золото из свинца делать будем?

– Нет, это устаревший способ. В далеком прошлом, до разрешения использовать методики зеркального лабиринта, применялось изменение структуры угля для получения алмазов, их и перевозить проще, и стоимость несоизмерима с презренным металлом. Но во время процесса выделялось много тепла и радиации. Для безопасности сырье помещали в огнеупорную

¹⁷ Vorwärts – вперед (нем.).

оболочку, вокруг нее создавали подушку из инертного газа и все это заключали в свинцовый короб. Через несколько использований свинец, бомбардируемый частицами, превращался в золото. Это был всего лишь побочный эффект, как вы понимаете, но весьма занятный и небесполезный. Поедем ужинать, а то и я уже утомился.

В быстро сгущающихся сумерках мы отправились к черному зданию, которое служило местному гарнизону казармой, командным пунктом и скрытой вертолетной площадкой.

– Как там Виктор? – вспомнил я о товарище, чуть не погибшем на сексуальном фронте.

– Лучше, чем можно было ожидать. Операция прошла без осложнений, но двигаться он сможет только недели через две. А воспользоваться благосклонностью медсестричек не раньше, чем через три месяца. Полное восстановление работоспособности я прогнозирую не ранее чем через четыре-пять месяцев. Так что соратник ваш выбыл из театра происходящих событий на вышеуказанный период времени.

«Оно и к лучшему, – подумал я, – сейчас быть рядом со мной небезопасно».

За разговором мы подъехали к полифункциональной базе, и после легкого ужина – жареная рыба, вареный батат и зеленый чай – я воспользовался дезактиватором и отправился спать.

Голос тут же забубнил: «Стратегия победы – это всесторонняя подготовка страны, армии, дивизии, полка, батальона, солдата и каждого гражданина, независимо от пола и возраста, к войне».

Иосиф Виссарионович Сталин перед Великой Отечественной войной внимательно изучил работу Б. М. Шапошникова¹⁸ «Мозг армии». Особенное внимание генерального секретаря Коммунистической партии вызвали сведения о скором экономическом крахе страны, которая объявляет всеобщую воинскую мобилизацию. Потеря тридцати процентов сотрудников – мужчин (десять процентов от населения страны) приводит к замиранию хозяйственной жизни страны через три месяца.

Необходимо было создать трудовые резервы из женщин и юношей непризывного возраста. Так началось активное привлечение «слабого пола» в чисто мужские профессии: учитель, врач, механизатор, токарь, фармацевт, официант и т. д. быстро утратили свою первозданную мужественность.

Одновременно и взаимосвязанно с созданием экономической платформы для ведения войны велась интенсивная идеологическая пропаганда. Ковался солдат победы: спортивное движение ГТО (готов к труду и обороне), общество ОСОАВИАХИМ¹⁹, детские, подростковые, молодежные движения: октябрята, пионеры, комсомольцы – все эти структуры на деле доказали свою эффективность, подготовив к боевым и трудовым подвигам несколько поколений советских людей.

Несмотря на экономическую и идеологическую готовность Советского Союза к военному конфликту, имелись и серьезные тактические просчеты: доктрина войны на чужой территории провалилась после нападения фашистской Германии 22 июня 1941 года. Немецкая ставка на бронетехнику и массированные удары авиации принесли свои недолговечные плоды.

Тактика успешных действий известна со времен Сун Цзы: ударяй полным в пустое, избегай полноты. Прежде чем переходить к активным действиям, необходимо выявить слабые места обороны противника и сосредоточить на этих направлениях мобильные группировки войск. После прорыва уязвимых участков атаку необходимо провести по всей линии фронта. Угроза окружения заставит противника отступить.

¹⁸ Борис Михайлович Шапошников (20 сентября [2 октября] 1882, Златоуст, Уфимская губерния, Российская империя – 26 марта 1945, Москва, СССР) – российский и советский военачальник, военный и государственный деятель, военный теоретик. Маршал Советского Союза (1940).

¹⁹ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (сокращенно ОСОАВИАХИМ) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годы, затем реорганизованная в ДОСААФ.

Подобное использование «пустого» известна со времен монгольского нашествия. Конница сминала слабый фланг противника, заходила в тыл вражескому войску и нападала сзади на центр и другой фланг, смешивала боевые порядки и гнала обезумевшую от страха толпу на монгольскую пехоту и стрелков, которые и завершали разгром.

Описанный способ хорош для позиционного сражения. Если же войска находятся в движении, необходимо устанавливать местонахождение слабо обученных формирований, интендантских, инженерных частей. Постоянно беспокоить противника нападениями и диверсиями. Создавать у солдат вражеской армии ощущение неуверенности, использовать в ночных схватках воинов выдающихся боевых качеств, обязательно оставлять в живых свидетеля самого страшного сложения. Велика вероятность, что он – творческая личность. Его рассказы, разогретые богатым воображением, посеют страх среди неприятельских солдат.

Важную роль в сражениях играет выбранная местность для размещения войск. Следует всегда оказываться на месте раньше противника, навязывать ему ландшафт и положение, выбирать неудобное для него и удобное для себя. Если он все-таки застал войска врасплох на месте, где неудобно вести бой, – следует отступить. Если враг преследует – контратакуй, беспокой его авангард засадами и внезапными нападениями.

Используй свой ум как оружие – не оставайся в плену стереотипов, смотри, что делает противник, и отвечай на его действия. Если он устал – атакуй, если он силен – жди момента, когда он расслабится. Для конницы неудобны леса и овраги, для пехоты – открытая местность.

Всегда знай куда отступить и как наступать и будешь непобедим...»

Глава 3

Две головы хорошо, а четыре руки лучше

Над Славеном еще не взошло солнце, а я уже не мог спать – прошлый день оставил нерешенные вопросы: как расколдовать Тве, где Сивуха, где Тричар, что, а главное, как сказать троллям? А ведь через день-два в поход, на Каррохову пустошь.

Во время утреннего моциона и завтрака изломал себе голову: с чего начать? Понял, что самому не справиться, нужна помощь.

Семка! Это же не голова, а дом советов, все знает. Крикнул Беляну – приказал найти кого-нибудь из возниц, пусть толмача разыщут и привезут.

Семка приехал быстро, пока пили с ним чай с вареньями: вишневым да малиновым, я все ему рассказал. Толмач только брови поднимал, все выше и выше. Когда закончил, они ему под волосы на лбу заползли.

– Значит, так, – прервал затянувшееся молчание Семка, – сначала тролли. Они пока не беспокоятся – Тве часто пропадает на два-три дня: то пьет, то за девками посадскими ухлестывает. Но если он скоро не объявится – беда, четырехрукие шутить не любят. Выхода два – найти кафров и узнать, как его расколдовать, или все им рассказать как есть, пусть сами решают.

Я на секунду представил, что будет, если они все узнают: евроцыганам конец! Запылает Нижний Славен, дружина станет на защиту города – дымища, кровища, вонища, – нет, это не выход. Золото не поможет – троллям алчность неведома.

Остаются кафры, но где их взять? Да и не признаются они ни за что.

Тут и Семка подключился:

– Кафры у нас нечастые гости, далеко им ехать, и холодно у нас. В Тугарию и Хуннурию они почаще заезжают, я туда с посольствами ходил. Про камбону-рыбу слышал, что она вроде наших карасей, только они зимуют – в лед вмерзают, а камбона засыхает, когда вода уходит. Тамошние рыбаки ее в руслах рек выкапывают, пока сухая – порошок чудодейственный делают, а жрать хотят – в воде замачивают...

– Постой-ка, постой-ка! – завопил я, осененный догадкой. – Беляна, тащи купальную кадку, да побыстрее.

Дворовые притащили деревянную бадью, наполнили ее горячей водой и, удивленно таращась на меня и Семку, ушли, почесывая в затылке.

Я засунул Тве в воду, но ничего не произошло, только из крошечного рта пошли пузырьки. Семка выхватил тролля из воды и перевернул вниз головой. Вода тонкой струйкой вытекла из тролля и... огромная серая туша рухнула в кадку, забрызгав все вокруг. Словно бледный паук, Тве выполз из кадки, кашляя и вопя что-то на своем. И без перевода было понятно, о чем идет речь. Я хлопнул его пару раз по спине, от третьего хлопка тролль увернулся, наконец прокашлялся, тяжело опустился на стул, отдуваясь.

– Проклятые убудки, я им сердца выну и псам скормлю, – почти без акцента сказал Тве, дрожа и прихлебывая горячий чай, – я их бьерненами затравлю, я... У-у-у-х!

Ну, что ж, сейчас его успокаивать бесполезно, будем ждать, когда буря уляжется сама собой. Беляна принесла браги и самогона, с удовольствием разглядывая голого тролля. Я ее прогнал, а Тве посоветовал одеться. Одной проблемой меньше, но где искать Сивуху и Тричар?

– Может к Вострому пойдём, про меч расскажем? – снова прочитал мои мысли толмач.

А и верно, он у нас сыскной, пусть и покажет, что не зря хлеб государев ест. Тве налегал на самогон, прислушивался к шушуканью в коридоре – чисто кот шестипалый. В доме оставлять его нельзя – набардачит.

Вместе и поехали в детинец – к Михайле Вострому.

Сразу к дьяку не попали, дорогу преградил неприметный мужичонка:

– Михаил Иванович беседу ведет важную – не велели беспокоить!

Ждать пришлось недолго, Вострый вышел поприветствовать нас лично. Пожал нам по очереди руки, пытливо всматриваясь в глаза, пригласил в допросную. Обычный человек, но взглядом пропекает до затылка. Не хотелось бы оказаться на табуретке против него, зная за собой вину, вынет все – сам выложишь. Но разговор пошел не о нас, наши приключения в Нижнем Славене Вострого интересовали мало. Как оказалось, он все о пережитых нами приключениях знал, со всеми подробностями. Дьяк расспрашивал нас про Сивуху и про Тричар, делая пометки время от времени гусиным пером на испещренном заметками листе бумаги, который лежал перед ним.

– Тебе, Василий, и тебе, Тве Ульхеймов, следует к походу готовиться, засим дело Сивухи и Тричара я на себя возьму, – подытожил Вострый, – сыщем и богатыря, и меч, чай, не иголка в стоге сена.

Я и тролль уже затопали к дверям, когда Михайло задал свой последний вопрос, будто нож в спину метнул:

– А ведь морок распознать и развеять может только тот, кто с ворожкой поганой знаком, откуда же витязю православному о том ведать? Скажи, Василий.

Я замер на долю секунды, но справился с невесть откуда налетевшей паникой и повернулся к Вострому с самой искренней улыбкой, лихорадочно соображая, что же мне соврать. Но в голову ничего дельного не приходило, пришлось воспользоваться дежурной фразой, которая помогает выиграть время:

– Чего, чего?

– Можешь не отвечать сейчас, Тримайло, но помни, что ничего не укроется от князя и слуг его, знай, что за каждый чих отчитаешься, и если есть вина за тобой – понесешь наказание. Иди и крепко подумай, – ровным голосом сказал сыскной дьяк и отвернулся.

Я пошел догонять Тве, проклиная собак легавых с их фокусами и подколками. Вот ведь выбрал же момент, дознаватель хренов. Но крыть нечем, древнее искусство благословением не назовешь. А если это не Божья работа, то чья? Прав Вострый, пора как следует обдумать все.

Но думы пришлось отложить: на улице ждал гонец от Осетра. Конный отряд в триста копий может выступить уже через два дня. Воевода ждет подтверждения готовности от троллей и завтра, к десяти утра, собирает у себя старших похода: меня, Тве, Петра – для обсуждения плана и принятия окончательных решений.

Тве заторопился к своим, мы его на тарантасе довели до казарм. По дороге я все-таки уговорил тролля никаких действий против евроцыган не предпринимать. Вернемся из Дикого Поля, там решим, как с ними рассчитаться.

Тролли приветствовали своего предводителя радостными криками. Тве сердито зыркнул на меня: злится, что помешал с Абрашки и компании шкуру снять. Может, и придется еще с ромалами порхатыми посчитаться, а его ярость нам и в Диком Поле пригодится.

По возвращении домой, в Боярскую слободу, я еще с улицы услышал шум суматохи в моем дворе. Встревоженная дворня, вооружившись чем попало, перекликаясь и подбадривая друг друга пронзительными воплями, гонялась за... соколом. Хищная птица, презрительно поглядывая на неловких преследователей, перелетала с места на место, но двор упорно не покидала, еще больше распаяя «охотников». Возница тут же присоединился к беготне, предварительно достав из-под сиденья тарантаса лук и стрелы.

– А ну-ка хватит! – крикнул я. – Никифор, не вздумай стрелять, еще в своих попадешь. Что здесь происходит, Беяна?

Ключница, раскрасневшаяся от погони, объяснила:

– Мрассовский сокол-то! Вон висюлька на нем басурманская. Не иначе к лазутчику прилетел, взять его хотим, что он принес – воеводе отдать, он-то, поди, разберется!

Теперь и я заметил на лапе сокола золотую кисть. Гроза голубей и кроликов вдруг взвился в воздух и сел на мое предплечье, больно впившись когтями в кожу и мышцы, появилась кровь. Внимательно разглядывая меня желтым глазом, сокол деловито отведал содержимое моих капилляров и протянул мне лапу с кистью. К пятому противостоящему когтю была привязана медная трубка. Как только я взялся за нее, крылатый гонец резко дернул лапой, и капсула с посланием осталась в моей руке. Сокол снова требовательно клюнул меня в руку. А, понял, щас получишь, заслужил.

– Беяна, принеси в светлицу свежего мяса, да побольше! Всех благодарю за бдительность, но тревога ложная. Гонец действительно от мрассу, но не злонамеренный. А сейчас разойтись, всем заниматься своими делами.

В светлице желтоглазый убийца перепелок чинно приступил к трапезе, а я сумел вынуть письмо от Улдуса. Бумага гласила: «Получил от тебя весть, Василий, клятву свою исполню. Степь знает твое имя, встречать тебя будут три бунчука²⁰: Мэлс-дуурш, Ак-акча²¹ и султанчи Азамат. Почему сын Амана идет с нами, он сам тебе расскажет. Жду тебя у Восточного леса пять дней, как Ургал вернется. Шептунов не отправляй больше, прошу».

Ургал с удовольствием рвал мясо и поглядывал на меня. Я взял небольшой кусок пергамента с прикроватной тумбы, кое-как заострил перо гусяное. Все-таки мои руки под мелкую работу приспособлены плохо. Подумал, что написать, но ничего, кроме перефразированного послания Святослава Храброго²², на ум не приходило. Так и вложил в гильзу нехитрое послание: «Иду на вы!»

Сокол увидел, что я закончил возиться с контейнером, и перелетел на многострадальное предплечье. Теперь я понимаю, зачем ловчим длинные кожаные перчатки. Ургал немилосердно когтил руку и в ожидании уставился на меня. Для того чтобы приладить гильзу на место, пришлось повозиться. Попробуйте одной рукой попасть в маленькое, почти игольное, ушко ниткой, имеющей на конце кисть, и завязать узел, тогда вы поймете, с чем мне пришлось столкнуться. Но с помощью зубов и невнятных ругательств все получилось. Как только я закончил, Ургал вернулся к мясу. Я распахнул окно, но крылатый гонец покосился на меня с укоризной, продолжая трапезу.

«Ладно, сам разберется, когда в обратный путь», – решил я и спустился в кухню – перекусить.

Возле печи расположились возникшие и прочие подсобные рабочие, общим числом шесть человек, и метали кости. После каждого броска игроки раздражались громкими криками. Империя азарта в отдельно взятой людской. Я ни за азартные игры, ни против. Отношусь нейтрально ввиду полного равнодушия. Но понять могу, ибо многогрешен. Вот только в данном конкретном случае призрак зеленого стола стоял между мной и едой. Голод пробудил недовольство, и я по-держимордовски гаркнул:

– Это что еще за бардак на вверенном мне участке, живо прекратить, кухарку сюда! Сами вон! Работы у вас, дармоедов, мало?! Беяна!!!

– Здесь я, здесь, надежда наша, не изволь гневаться, – откуда ни возьмись появилась ключница, – мужики плохого не хотели, судьбе предоставили выяснить, кто с тобою в путь-дорогу отправится, вот и все!

– Так, значит, вот оно как, боязно в Дикое Поле-то ехать? – грозно окинул я взглядом притихшую дворню.

²⁰ Бунчук – древко с шаром или острием на верхнем конце, с конским хвостом и двумя серебряными кистями, служившее в старину знаком власти. Означает, что за носителем этого знака следует не меньше тысячи воинов.

²¹ Ак-акча – клан мрассу, главой которого является Лал Кирипчак.

²² Святослав Игоревич (Святославъ Игоревичъ, 942 – март 972) – князь новгородский в 945–969 годах, великий князь киевский с 945 по 972 г., прославился как полководец. Отправлял своим противникам перед нападением короткое письмо: «Иду на вы!»

– Да нет же, почетно с витязями в поход за правое дело. Каждый из нас живот за Родину положит, если надо, вот и зареклись – кто выиграет, тот и поедет! – объяснил Никифор.

– Хорош ерундой заниматься, в поход пойдет тот, от кого пользы больше, – по инерции громыхнул я и, успокаиваясь, добавил уже тише: – Рассказывайте, по очереди, как зовут, откуда родом, чего умеет, а я уж решу, кто дом стеречь будет, а кому – степную пыль глотать.

Первым начал Никифор:

– Я родился на юго-востоке, в Юрузане, мать моя Анастасия – из крестьян, отец – Хурит – однодворец, из заложников-мрассу, после того как отец нынешнего князя Юрузань к дани примучил, меня и еще сотню молодых парней в Славен забрали...

– Ты меня прости, Никифор, но так мы до завтра не закончим, – прервал я кучера, – давай коротко – что умеешь лучше всего, и точка. А историю твоей семьи, кстати очень увлекательную, мы в другой раз послушаем.

– Запрягать лошадей, править повозкой, верхами тоже смогу, из воинских умений – копьем управляюсь неплохо, из лука стреляю, но людей убивать не приходилось, – вернулся к сути разговора Никифор и умолк, пристально глядя на меня. Я кивнул и посмотрел на следующего. Это оказался Никола.

– Я, Никола, родом из Верхнего Унтвара, за лошадьми ходить тоже смогу, копьем и мечом владею, с луком похуже, силки умею ставить, ловушки всякие на зверя изготавливаю...

Порфирий, Анисим, Григорий и Сергей родом были из Славена, навыками друг от друга и от Никифора с Николой отличались мало, так что, похоже, зря я им не разрешил игру окончить.

Беляна подала вечерю: холодную телятину с хреном, пшеничную кашу с луком и грибами и запить – брагу.

На сытый желудок совсем не думалось, клонило в сон, поэтому пришлось решение отложить до утра, о чем претендентам на ратный труд немедленно было объявлено. Я, наскоро умылся и поднялся к себе.

Ургал умял все мясо и дремал на спинке кровати. Из окна веяло вечерней свежестью, и я не стал его закрывать. Сокол открыл глаза, словно осветил комнату желтыми фарами, убедился в том, что это я, и снова заснул.

Пора и мне улечься. Отходя в объятия Морфея, я твердо себе пообещал, что вытрясу из Беппе всю правду, заставлю ответить на все вопросы, не позволю больше юлить и выкручиваться.

Но мои грозные мысли прервал голос лектора: «...сокрытые знания представляют собой засекреченные понятия и умения, которыми владеют обособленные группы людей. Действительные или мнимые преимущества обладания таковыми позволяют манипулировать новообращенными. Для них открывают новый мир, полный сюрпризов и увлекательных таинств, ступень за ступенью, постоянно оставляя интригующую недосказанность, дабы неопытный не мог и не хотел бросить обретенную стезю.

Подразделять сообщества, использующие подобные технологии, следует по способу популяризации своей деятельности и по содержанию распространяемой информации.

Большинство религиозных объединений, не признанных властными структурами, называют сектами²³. На первый взгляд многие из них – это некоммерческие организации, главная задача которых – изучение существующих многие века священных книг и текстов. Толкования, которые предлагают «посвященные», отличаются от общепринятых. Комбинации из узнаваемых истин и новых смыслов, заложенных в словах, известных с детства, порождают ощущение откровения. «Срывая покровы», учителя внушают своей пастве идею об избранниках, спо-

²³ Секта – любая группа (религиозная или нерелигиозная, отделившаяся или новая), имеющая свое учение и свою практику, отличные от господствующей церкви или идеологии.

собных воспринять единственно верную доктрину. Чтобы усилить отчуждение от «заблудших овец», правда для которых недоступна, создается свод правил, соблюдение которых навсегда отделит праведных от неправедных, агнцев от козлищ, зерна от плевел.

Указанный вид сект избрал интеллектуальный способ воздействия на умы, призвав на помощь самый действенный из существующих рычагов для манипуляций сознанием человека – веру.

Их главное орудие – слово, и на распространение его ресурсов не жалеют: книги, журналы, брошюры, фильмы и т. д. Если у группы не хватает денежных средств, в ход идет устная передача информации – семинары, конференции, простая агитация. Чем ниже образовательный уровень аудитории, тем эффективнее воздействие.

В случаях, когда секта отказывается от традиционной религии, происходит прославление основателя, его исключительных способностей, его особого метода добиваться получения сокрытых знаний и умений.

Только человек, самостоятельно и критически мыслящий, способен понять истинный смысл происходящего вокруг и внутри его, оценить собственные стремления и цели окружающих и принять правильные решения, к осуществлению которых стремится его сердце и душа».

Глава 4

Бункер – от бомб, но не от врагов

Я пробудился в своем пенале, полный решимости и непреклонности: никаких экивоков и эвфемизмов – сегодня я атакую словесные редуты Беппе и разобью врага на его территории.

Я умылся и позавтракал, а потом отправился на поиски Беппе.

В лучах восходящего солнца грохотала сапогами многоножка охраны. Парни звали меня с собой приглашающими жестами. Я хотел было отказаться, но допрос доктора может и подождать полчаса. Увидев пополнение, рота разразилась приветственными криками. Невольно улыбаясь, я ответил:

– Ола!

Снова тропа-каньон как следует выжала воду из организма, измученного излишествами. Но сегодня было намного легче: хорошая злость заставляла меня как следует напрячься, наполняя энергией – держись, доктор!

На вершине горы мы снова танцевали вокруг флага, слева и справа от меня отплясывали близнецы. Забавно видеть одинаковые лица, я – как будто зеркало: с одной стороны реальный мир, с другой – зазеркалье.

Когда мы спустились вниз, завывла сирена, тревожно, с нотками истерики – тревога! Возле моей комнаты ожидал офицер-нарочный, сообщил, что следует незамедлительно следовать за ним на командный пункт.

Я показал ему на мокрую футболку – помыться, мол, надо и переодеться, но посланник отрицательно мотнул головой: немедленно, то есть сию секунду. Скрипнув зубами, я отправился за ним. Идти пришлось недолго: в конце коридора распахнулся скрытый лифт. Когда мы вошли внутрь, офицер вставил в пульт управления ключ, двери захлопнулись и лифт плавно двинулся вниз. Спуск занял минут десять, и когда лифт наконец остановился, из раскрывшихся створок повеяло неожиданной свежестью.

Круглая комната, куда мы прибыли, была от пола до потолка заставлена аппаратурой. Мигали индикаторы, пищали локаторы, басовито гудели батареи питания. Деловитые операторы не обратили на нас никакого внимания. Как только створки лифта захлопнулись, прогремел взрыв. Беппе отделился от группы офицеров и поспешил меня успокоить:

– Лифт самоуничтожился, теперь командный пункт недоступен. Нас обнаружили и атакуют с моря и воздуха. Идемте, я покажу вам кое-что заслуживающее внимания.

Посреди каменной круглой комнаты стоял большой стеклянный стол. На его поверхности светились зеленые, синие, красные, черные линии, вспыхивали разноцветные точки и пунктиры. Двое офицеров постоянно что-то отмечали на гладкой поверхности маркерами, при этом громко выкрикивая какие-то цифры на испанском.

– Это оперативный центр, черные линии – границы острова, рифы, любые неподвижные объекты, красным обозначены корабли и самолеты противника, маршруты их движения. Зеленый – цвет наших боевых единиц и их пути, синий – некомпотанты²⁴, – объяснял Беппе, проводя экскурсию, – а этот монитор транслирует изображения с камер, установленных на наших беспилотных летательных аппаратах. – Доктор показал на экран, разделенный на четыре части. На двух верхних квадратах застыли синева и облака, на нижних море и волны. – Наши непро-

²⁴ Некомпотанты – лица, не входящие в состав вооруженных сил воюющих государств, а также хотя и входящие в состав действующей армии (в качестве обслуживающего персонала), но не принимающие непосредственного участия в сражении с оружием в руках. Согласно Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительному протоколу 1977 г. к этим конвенциям, к некомпотантам относятся медицинский, интендантский персонал, военные юристы, корреспонденты, духовные лица.

шенные гости неплохо осведомлены об обороне острова, поэтому привлекли немалые силы для нападения: малый авианосец типа «Кавур», эсминец-вертолетоносец типа «Хьюго», два ракетных крейсера «Тикондерога», два эсминца «Спрюенс», четыре ракетных катера «Свордфиш». Поскольку эта группа кораблей в основном устаревших типов и идут они без государственных флагов, не имеют бортовых идентификационных номеров – перед нами наемники, без сомнения. Над островом два раза пролетел разведчик – видимо, предлагали нам первыми открыть огонь. Мы вежливо отказались, только направленным электромагнитным импульсом малой мощности вывели из строя навигационные приборы нарушителя, предложили посадку для починки, гости отмолчались. Сейчас они заняли позиции и, похоже, ожидают приказа. Мы решили отвести людей и корабли – нам не победить в этой битве: силы слишком неравны. Но просто позволить им высадиться на остров – значит проявить слабость. Поэтому как только они проявят однозначную боевую активность – остров ответит, у нас есть для них пара сюрпризов. А пока имеется отличная возможность ознакомиться с оборонными системами и современными методами ведения войны. Помощь уже в пути. Шестой флот Соединенных Штатов выдвинулся от побережья Аргентины, с Кубы идет сводный отряд Балтийского флота России и военно-морских сил Венесуэлы. Они будут здесь, в пределах восьми-одиннадцати часов. На оперативной карте – это зеленые объекты, сплошная линия обозначает пройденный путь, пунктирная – предполагаемый курс. Кстати, вы можете осмотреть окрестности с высоты птичьего полета глазами одного из наших беспилотных разведчиков.

Доктор протянул мне закрытый шлем, подключенный к ящику цвета хаки. Я слегка поежился – на командном пункте было прохладно, тем более в мокрой футболке.

– Простите мне невнимательность... коллега, – виновато сказал Беппе, – Энрике, Владимиру необходимо переодеться!

Один из пяти офицеров, находящихся в штабе, приветливо улыбнулся и сделал мне приглашающий жест. За пультами обнаружилась неприметная дверь, которая вела в просторную комнату с «дезактиватором» и широкими полками на стенах от пола до потолка, на которых были разложены коробки с галетами и консервами, расставлены большие емкости с водой, бутылки с виски и вином, стопки разной одежды. В углу аккуратным рядом в специальных пазах стояли карабины, цинки с патронами, ящик гранат.

Я воспользовался душевой кабиной, подобрал себе форму, вышел из кладовки довольный: вид запасов вселял оптимизм и чистый комбинезон оливкового цвета приятно согрел конечности.

Офицеры в комнате продолжали свою работу: докладывали о чем-то на испанском, щелкали тумблерами, делали отметки специальными маркерами на оперативной карте-столе. Беппе царил над этой суетой – отдавал приказы.

Я почувствовал себя лишним и, включаясь в общий труд, поинтересовался:

– Что нового?

– Они медленно приближаются, похоже, команды атаковать у них по-прежнему нет, но все боевые и оборонительные системы кораблей задействованы по максимуму. Задержка нам на руку, эвакуированные успеют отойти достаточно далеко, и, когда начнется заварушка, они будут вне опасности. Что решили со шлемом? – Доктор снова кивнул на диковинный головной убор с видом папашки, предлагающего сынуле прокатиться на американских горках.

«Ну, что ж, давай попробуем», – подумал я, молча протягивая руки, но Беппе ловко увернулся и надел мне на голову шлем, закрепил ремни и провода, какие-то датчики присоединили на руки, ноги, живот, прямо поверх одежды.

Сначала, я ничего не понял, какое-то нагромождение цветных пятен. Но постепенно картинка прояснилась, и проявилось то же изображение, что и на экране мониторов, только здесь было два экрана, а не четыре. На верхнем величаво плыли облака, внизу беспокойные барашки волн разбивали свои курчавые головы о берег вечнозеленого острова, создавая белый пенный

фронт прибора. Небольшое окошко справа сверху воспроизводило оперативную карту с мерцающей разноцветной канителью. В самом низу бежала строка внешней связи: «Говорит Беппе, просто ответьте, что слышите меня».

– Я слышу вас, доктор! – сказал я, но, видимо, слишком громко, голос раздался внутри шлема, карикатурно напоминая раскаты грома.

Строка отозвалась: «Шлем сейчас настроится, и вы сможете им управлять. Электроника реагирует на мимику и следует желаниям, отраженным мускулатурой. Но следует быть осторожнее: не приближайтесь слишком близко к кораблям и скалам, получите повреждение, а это достаточно болезненно. Если есть желание, можно нырнуть, погружение возможно до десяти метров, но выбирайте для этого глубокие, чистые места. Захотите вернуться, дайте знать, мы примем управление на себя».

На секунду показалось, что мне свернули шею. Я увидел небо над головой и воду внизу одновременно, мои руки распахнулись крыльями, в лицо ударил ветер высоты. Обзор в триста шестьдесят градусов, нет, больше! Я мог смотреть назад, вверх и вниз. Пора испробовать управление полетом: я полетел быстрее, потом медленнее, сделал пике к самым волнам, замедлил падение и некоторое время летел над самой водой, не решаясь на погружение. Но любопытство побеждает страх, вон хоть Пандору²⁵ спросите. Первый нырок я сделал по-дельфиньи: вошел, вышел. Второй раз решился погрузиться поглубже, сработали рефлексy: задержал дыхание и стал загребать руками и ногами.

Тут же заработала строка:

– ХА-ХА-ХА, извините, не удержался! Можно дышать и не двигаться, ведь у вас, как это по-русски: «Вместо сердца пламенный мотор!»

Я игнорировал едкое замечание, но задышал и дергаться перестал. Снизил скорость и с удовольствием разглядывал стайки разноцветных рыб-попугаев, занятых поеданием коралловых рифов, колебания дивных цветов актиний и вечной суетой рыбной мелочи, снующей между известковых ветвей, серебрясь в лучах солнца, пока не подстережет неосторожных подводных мотыльков пестрая лента мурины или огромная пасть лохматого ротана.

От созерцания великолепия владений Посейдона меня оторвал доктор:

– Напоминаю, что вы – разведчик, а не Жак-Ив Кусто, вернитесь на высоту шестьсот метров над уровнем моря, займите позицию над западной оконечностью острова, наблюдайте за южным направлением. С палубы авианосца зафиксирован взлет, сейчас придут самолеты противника. Они прикрывают три ракетных катера типа «Свордфиш». Эсминцы и крейсера выходят на огневой рубеж, наш противник решился на атаку!

Я хотел спросить, как мне определить, куда лететь, но в этом не было нужды: на небе горела красная точка. Когда я занял указанную позицию, то увидел приближающиеся катера и два истребителя «F-35 В» палубного типа. Информация о модификациях кораблей и самолетов поступала из строки.

На оперативной карте истребителей подсветили красным с указанием названия, скорости и т. д. Они очень быстро приближались, и я бросился камнем вниз, следуя советам командной строки и зеленым стрелкам на обзорном экране. Возле поверхности воды я выровнял полет и опустил хвост в воду.

Вокруг меня образовался радужный шар из водяных брызг. Затем я взял резко вправо, и по длинной дуге вылетел сзади моих противников. Самолеты тут же разделились и ушли от меня на бреющем полете, выпуская снопы противоракетных тепловых ловушек. Но я и мой

²⁵ Пандора (*др. – греч. Πανδώρα* – «всем одаренная», или вседающая, в древнегреческой мифологии – женщина, создана по велению Зевса в наказание людям за похищение для них Прометеем огня. Любопытная, она открыла полученный от Зевса сосуд (*πιθος*) (ящик Пандоры), из которого тут же по миру разлетелись все несчастья и бедствия, а под захлопнутой крышкой осталась на донышке одна надежда. В новое время стала крылатой фраза «Открыть ларец Пандоры», что означает совершить действие с необратимыми последствиями (обычно негативными).

незримый советник не собирались запускать единственную ракету, которую я ощущал приятной тяжестью на животе. Мы стали палить из автоматических пушек, закрепленных на руках (ну то есть крыльях). Обыкновенные крупнокалиберные пули неумолимы, и их нельзя обмануть, я устремился за самолетом, уходящим влево, и огненные трассеры отрезали его хвостовое оперение. Враг закувыркался в воздухе в лихорадочных попытках остаться в небе, но дымный след уверенно указывал на скалы острова. Любоваться результатами скоротечного сражения не было времени, второй самолет зашел мне в хвост и уже поймал меня в прицел, о чем равнодушно сообщила бегущая строка. Но и его ожидал сюрприз – моя ракета вылетела вперед, но тут же развернулась и, запустив самостоятельный двигатель, помчалась прямо в лоб моего противника. Системы наведения истребителя, уже готовые поразить меня, лихорадочно переключились на моего грозного помощника. А пилот направил самолет к волнам. Но ракета последовала за ним, а я, напротив, взмыл вверх для смертельного пике; как только набрал нужную высоту, в животе приятно заныло и мой аппарат понесся вниз много быстрее обычного падения, хлеща огнем из автоматических пушек по самолету противника. Корпус «F-35 В» уже начал разрушаться от выпущенных очередей, когда его настигла потрепанная ответным огнем ракета. Яркая вспышка подвела итог нашей воздушной дуэли.

«Отлично, – отозвалась на мои успехи строка, – отходи к острову, мы зафиксировали четыре взлета с «Ковура», катера наводят на тебя свои зенитные комплексы».

Я сделал кульбит и полетел к острову, повинувшись командам компьютера – влево, вправо, замедлить ход. Вокруг меня свистели пули и снаряды. Сбитые с толку радиозащитой, самонаводящиеся ракеты неслись к воде или скалам, оставляя белый след, чтобы вспыхнуть диковинными хризантемами или огненными тюльпанами внизу, как будто сопровождая мой полет победным салютом.

Пробежало новое сообщение: звук уменьшен, обзорные экраны перешли в режим светозащиты. Как будто я надел очень темные очки.

И тут заработали батареи острова. Подо мной бушевал огненный шторм, выпуская на волю ракеты и снаряды. Мои преследователи лихорадочно маневрировали, но рой жалящих пламенных стрел неумолимо набросился на серебристые тела стальных хищников неба. Оставляя за собой белые купола парашютов и черные хлопья догорающего топлива, пылающие остовы самолетов рухнули с шипением в океан, оставив после себя небольшие облачка пара. Неосторожно приблизившиеся ракетные катера, объятые липким пламенем, по инерции медленно двигались к острову, постепенно уходя под воду.

Но ответ не заставил себя долго ждать. Остров покрылся разрывами от залпов кораблей вражеской эскадры. В воздух поднялись тучи земли и каменных осколков, целые пальмы и их обломки летели во все стороны. Черный параллелепипед держался, но и его стены покрылись щербинами, из которых торчала покореженная арматура, крыша провалилась внутрь. Великолепный остров в одну секунду превратился в черное пятно, покрытое сажой и серой пеленой из дыма, пыли и гари. Океан вокруг потемнел и загустел от грязи и обломков, некрасиво вспенился отвратительным серым крошевом, среди которого виднелись бледные животы оглушенной рыбы, и стал похож на дешевое варево для бедных.

«Внимание, – возвестила строка, – смотри на океан перед островом».

Под водой сверкнула яркая, даже через светофильтры вспышка, и вода вспучилась, будто гигантская медуза всплыла на поверхность, и провалилась вниз. Мощная воронка устремилась вглубь и потянула за собой корабли противника, и они один за другим исчезли в глубине. Только крейсер, который находился дальше других, улепетывал от водоворота и гигантской волны, которая преследовала его по пятам. Атака в прямом смысле захлебнулась.

Воронка все вращалась, пожирая десятки тонн воды, порождая гигантские волны, убегающие за горизонт.

«Закрой глаза, мы тебя выводим», – просигналила строка.

Стоило мне последовать приказу Беппе, как я тут же ощутил свои затекшие ноги. Шлем с меня снял Энрике. Двое офицеров принялись растирать мое задеревеневшее тело руками в специальных перчатках. Злобные мурашки причиняли нестерпимую боль; чтобы не застонать, я прикусил губу. Офицеры подняли меня на ноги и слегка пихнули в спину: походи, мол. Я сделал несколько кругов по командному пункту, хлопая ладонями по ногам изо всех сил.

На оперативной карте добавилось красного цвета. Увидев, куда я смотрю, Беппе подтвердил мои опасения:

– Да, дела идут не блестяще: к острову движутся линкоры класса «Айова». Они накроют нас из-за горизонта. Американцы ближе к нам, чем русские, они поддержат нас огнем, но на таком расстоянии эффективны только крылатые ракеты, а корабли противника снабжены активной броней и противовоздушной обороной. «Томагавк» же чем дальше летит до цели, тем больше вероятность уничтожения. Нашему бункеру ничего не угрожает, ведь его местоположение противнику неизвестно.

– Кстати, а что это за водоворот, так вовремя возникший перед островом? – поинтересовался я.

– О, это наша гордость, – с довольным видом пояснил Беппе, – этот остров как база был выбран еще и потому, что вокруг него есть несколько карстовых²⁶ пещер. На сводах этих естественных резервуаров установлены заряды, которые приводятся в действие с пульта командного пульта. А как это работает, вы видели. Кстати, перед тем как проделать дыру, мы включаем волновой передатчик, который отпугивает рыб и морских животных. Идея Энрике, кстати, он у нас любитель всего живого. Правда, это спасло, как вы видели, не всех, но, к примеру, дельфины акваторию острова покинули загодя.

Услышав свое имя, офицер рассеянно улыбнулся в нашу сторону и вернулся к экранам мониторов, его ловкие пальцы шелкали какими-то тумблерами, неуловимо меняя тональность попискивания аппаратуры.

– *Tu madre puta!*²⁷ – внезапно заорал один из офицеров. – *Se transmite el mensaje!*²⁸

На долю секунды все уставились на Энрике, изобразив на секунду сцену из детской игры «море волнуется раз». Потом все пришло в движение: офицеры разом кинулись на своего бывшего товарища, Беппе рывком поставил на бок небольшой железный стол и затащил меня под защиту этого импровизированного щита. И вовремя: от стальной крышки тут же отскочила пуля. Захлопали выстрелы. Комната на полминуты, наполнилась истошными криками, пороховым дымом, звоном катящихся по бетону гильз. Мне так заложило уши, что я не сразу понял, когда стрельба стихла. Только кто-то потихоньку стонал на одной тоскливой и жалобной ноте, как котенок, попавший в мусоропровод.

Беппе очень быстро, как сурикат из норки, выглянул из-за стола, потом так же резко – с другой стороны, снова спрятался. И уже на секунду подольше высунулся и осмотрел комнату. Потом поднялся и шагнул вперед, скрылся из виду. Я выждал мгновение и распрямился. Комната могла бы послужить хорошей декорацией для низкобюджетного фильма про войну. Среди битого стекла, гильз и пятен крови зелеными безвольными ворохами застыли тела офицеров. Энрике сидел, опершись на шкаф с аппаратурой, держа в руке дымящийся «стечкин». Его форма пропиталась потом и кровью, так что было непонятно, куда и сколько раз он ранен. Только в его плече, несомненно, торчал длинный нож. Глаза у сидящего были закрыты, и он, выдыхая, издавал слабый звук. Беппе отбросил «стечкин» ногой и приподнял раненому веко.

²⁶ Карстовые пещеры образуются вследствие растворения пород водой. Поэтому карстовые пещеры встречаются только там, где залегают растворимые породы: известняк, мрамор, доломит, мел, а также гипс и соль.

²⁷ *Tu madre puta* – Твоя мать шлюха (*исп.*).

²⁸ *Se transmite el mensaje* – Он передает сообщение (*исп.*).

– Отвоевался, амиго, – расстроено сказал доктор и добавил с восхищением: – Каков мерзавец, столько за нос водил умников из безопасности.

Интересоваться здоровьем остальных не имело смысла – от их голов мало что осталось.

Эскулап времени зря не терял, достал из кладовки раскладную каталку, медикаменты, бинты и уже колдовал над Энрике; помогая себе ножницами, шприцами и зажимами, крикнул через плечо:

– Две минуты, и уходим! Скоро бункеру конец: сейчас объемником²⁹ шарахнут, и мы – пятна на полу и стенах. Помоги мне.

Я подхватил Энрике под ноги, мы общими усилиями положили его на каталку. Мастерство доктора впечатляло: офицер напоминал мумию, из бинтов торчали только зажимы и трубки капельниц, пухлые пакеты которых висели на специальном штативе.

Беппе забежал в кладовку, расшвырял коробки на полках, нашел какой-то пульт и быстро застучал по кнопкам. Стена отошла в сторону, открыв скрытый лифт. Как только мы вошли, кабина понеслась куда-то в сторону, да так резко, что мне, чтобы устоять на ногах, пришлось ухватиться за каталку, которая тут же отъехала, и, если бы не Беппе, я растянулся бы во весь рост. Внезапно лифт резко ушел вниз и снова в сторону, потом вверх, но я уже сориентировался и был начеку: крепко держался за стены лифта, используя руки, как распорки. Наконец кабина замедлила ход и остановилась, открыв двери в естественную пещеру.

Среди огромных сталагмитов вилась неширокая дорожка, осыпанная осколками этих известняковых столбов. Сверху нависали их братья-антиподы – сталактиты. Над проходом была натянута стальная предохранительная сетка. Освещалось это подземное царство неярким светом, который шел откуда-то сверху, но было件нятно, что эти лампы – просто щели, которые выходят на поверхность, даже слышно было равномерное буханье волн о берег.

Извилистая тропа привела к небольшому причалу, возле которого стояла небольшая подводная лодка, на борт которой мы благополучно загрузились, крепко приложив о трап раненого Энрике. Он даже не застонал, видимо, находясь под действием наркотиков. Я не испытывал к предателю жалости и вообще не понимал, зачем мы с ним нянчимся, но решил оставить выяснение неприятных нюансов до лучших времен.

Беппе задраил люк, утащил Энрике в медицинский отсек, проводил меня в пассажирскую каюту и убежал. Вот откуда у старичеллы столько энергии? Я с удовольствием осмотрел бы наше подводное судно, но усталость взяла свое. Рухнув на узкую стальную кровать, я тут же заснул.

²⁹ Объемник – изобарический припас, который меняет давление в зоне действия, что вызывает обрушение пустот даже внутри горы и под землей.

Глава 5

Хоть в круге, хоть за кругом, лишь бы не по кругу

На этот раз в темноте горела алая точка. Приблизившись, она превратилась в пылающую окружность, при повороте оказалась спиралью. Лектор пояснил: круг, как и ноль, означает энергию, изначальный хаос, спираль символизирует развитие цивилизации и личности, галактики и вселенной. Изучая религии и учения, мы можем наблюдать использование этих фигур для пояснения природы вещей и явлений.

В частности, колесо Сансары (круг) – вереница рождений и смерти в буддизме, своей замкнутостью порождает в сердцах верующих тоскливый ужас перед бесконечностью страданий и невозможностью расставания с иллюзиями.

Яма³⁰ бесстрастно взирает на деяния людей, следит за неотвратимостью наказания и бесконечными витками жизни смертных, не познавших откровения. Таков внешний, упрощенный смысл религиозной притчи о перерождении и колесе. Но если рассмотреть эту историю с точки зрения намека на материальный мир с его законами и условностями, можно понять, что речь идет о личности человека.

По сути, сплав привычек, сформированный обществом, с помощью внушаемых моделей поведения, привитых вкусов и суждений, которые подавляют или стимулируют естественные наклонности, заставляет человека совершать действия, которые определяют его судьбу. И поскольку большинство людей не склонны к анализу существующей вокруг них реальности, они не замечают череду повторяющихся событий, преследующих каждого индивидуума. Цикличность бытия подразделяется на ежедневные, еженедельные, ежегодные и т. д. циклы. Как правило, повторение длится до момента его осознания. Если человеку удастся отследить этот цикл, его ожидают три решения:

1) сделать вид, что ничего не произошло, продолжая вращать воображаемый или настоящий ворот водокачки, уподобившись рабу или ослу. Шаг, не имеющий значения, но осознание реальности уже не оставит человека в покое, один раз сумев увидеть скрытое, он не сможет от этого отвернуться. Знание истины не позволит прозревшему замереть в круге бытия подобно кролику. Совершивший такое, уже на пути к личному прогрессу;

2) изменить ситуацию, что не решает проблему циклических орбитальных путешествий принципиально, поскольку просто заменяет один круг на другой, но, несомненно, открывает личности новый путь развития;

3) изменить себя. Таким образом, идущий к истине превращает свой личный круг в спираль, ему будет больно и трудно, но такого человека ожидают великие открытия и удивительные свершения.

В свете вышесказанного возникает вопрос: действительно ли круговорот рождений и смертей подразумевает несколько жизней или это указатель на единственную и неповторимую череду дней и ночей, меняющихся личностей в одном и том же теле, иллюзий и прозрений... планов и воплощений...

В Славене было еще темно, но дом гудел, как «Аврора» перед выстрелом. Во дворе ржали лошади, мычали купленные в дорогу бычки, мужики ругались, бабы то взвизгивали, то смеялись.

³⁰ Яма или Йама (*санскр.* – «Близнец») – бог в индуизме, отказавшийся от своего бессмертия и совершивший первое жертвоприношение (самопожертвование), которое стало основой возникновения мира и человечества; «Владыка преисподней», «Миродержец юга», «Царь смерти и справедливости». Бог смерти, властелин ада и верховный судья загробного царства, контролирующий перевоплощение существ.

Никифора, Николу, Порфирия и Анисима я решил оставить в доме: сообразительные и деловитые мужики, хозяйство сохранят, а при случае ключницу и иную женскую челядь защитят. Возьму из новичков: Григория и Сергея, в походе и познакомимся поближе.

О своем решении тут же сообщил Беляне, которая принесла завтрак. Велел ей подавать воду для умывания, а сам замер перед иконостасом. Перекрестился, подумал о Сивухе, о будущем походе, неприятно заскребло в груди от нахлынувших колких воспоминаний. Толком ничего не помню, поэтому читал по молитвослову все, что утром произнести положено, пока в голове не просветлело и не ушли прочь все страхи и сомнения.

Умылся. Поел – и вперед. Надел легкие доспехи, выбрал короткий меч под левую руку, взял длинный кавалерийский – под правую. Держитесь, супостаты, сделаю из ваших костей концентраты.

Во дворе все собрались – в поход провожать. Беляна со слезами на глазах – во главе. Я вывел из конюшни Ассама, помахал рукой и рысью выехал за ворота. За мной потянулись телеги, подменные лошади и скот.

Григорий верхами подгонял разномастное стадо, а Сергей правил парой крупных лошадей, впряженных в большую телегу, доверху набитую мешками, свертками и бочонками.

Несмотря на ранний час, город уже проснулся – торопились к городским воротам верховые, кое-где ехали груженные повозки, сновали под ногами людей и лошадей деловитые дворняги.

Солнце позолотило маковки многочисленных церквей, когда мы выбрались на Дикопольскую. Как раз по ней проходили сотни Петра Жеребцова. В стальной чешуе с копьями, бойцы двигались ровными рядами, посверкивая на солнце полированным железом, а иногда – золотом и драгоценными камнями. Я догнал Петра, который гордо шествовал впереди. Командир приветствовал меня жестом и указал место рядом с собой.

– Трегуз и Тве с троллями после обоза едут. Семку, толмача, тоже взяли, – сообщил Петр. – Мрассу-то ждут нас?

– Да, возле Восточного леса, – обнадежил я.

Степные ворота распахнулись перед нами, открывая вид на поле и темную стену Восточного леса.

Когда к опушке подъехали первые всадники: я да Петр, – обоз еще полностью не покинул город. А тролли и сыны грома соответственно тянулись по Дикопольской.

В начале лесной дороги стояла делегация леших: Горян и еще трое, судя по посошкам, тоже старейшин. Я попросил Петра остановить войско и подъехал к колючим жителям леса. Спешился, подошел к лешим, осторожно пожал их сухие ладошки, с трудом удержался от желания потрепать оскаленные в улыбках мохнатые мордашки.

– Привет, Велесси, – сказал Горян, – все спешишь, небось, все несешься вскачь, не к мрассу ли на встречу опоздать боишься?

– А ты, как всегда, знаешь все, а спрашиваешь из вежливости? – улыбнулся я в ответ.

– Оставайся на денек-другой, выпьем брагульки, песен поорем, расскажешь, как Монжу добывал, отдохнешь! Давай, а?.. – предложил Горян, с надеждой заглядывая в мои глаза.

– Очень хотелось бы... – чуть не дрогнул я под просительным взглядом черных бусин, – да долг зовет. Но обещаю, что когда назад поеду к вам, обязательно в гости загляну. А сейчас – не обессудь...

– А и знал я, что ты так ответишь, но смотри, про обещание помни! – сказал Горян и уже своим: – Дать дорогу Велессину войску. Помни – ждем тебя!

Лешие исчезли в кустах, а дорога через лес на наших глазах стала расширяться и выпрямляться. Деревья задрали сучья и ветви, образуя анфиладу причудливых арок.

Притихло воинство от таких чудес, замерло, не решаясь ступить на утоптанную землю, под узловатые своды. Я вскочил на коня и показал пример, Ассам уверенно ступал по широкой дороге, и за ним затопали и другие лошади.

Как только обоз с припасами и лучниками, а следом и богатыри с троллями на своих бьернене³¹ скрылись под листвой, дорога пришла в движение и все мы понеслись вперед. Не успели люди и лошади испугаться, как лесной ускоритель замедлил ход, деревья стали реже, и копыта Ассама остановились точно на опушке Восточного леса.

Ух, прокатились с ветерком! Перед нами простирались огромные пространства Дикого Поля, лениво шевелились ковыльными волнами, среди которых почти неподвижно стояли островки конопли и полыни. На юге дымили многочисленные костры, отмечая белыми следами в небе лагерь мрассу. В голову отряда подъехали Тве, Трегуз и Семка-толмач. Поприветствовав друг друга, мы вместе поскакали в сторону наших новых союзников.

Мы сидели на коврах вокруг большого костра, возле ярко-зеленого шатра. Азамат, сын султана Амана или, как говорят мрассу, – султанчи Амонид лично встретил меня в диком поле, со своим бунчуком³², привели войска своих кланов Лал Кирипчак и Улдуз Зигел. Оба остались верны клятве быть союзниками русских.

Сотни костров коптели небо, тысячные табуны топтали степь. Повсюду звенело оружие, звучал громкий смех, рокотали странные песни равнин.

Азамат рассказывал о новостях Дикого поля:

– Когда мы возвращались в Карлук, после Славенского похода, в степи наступили смутные времена. Аман не мог вернуться домой без добычи и напал на кубаев, отогнал их стада на юг. Кубаи заключили союз с караюрами и жужубунами и попытались стада отбить. Отец войско не распустил, и удача не оставила мрассу. Наши кони вытоптали их стоянки, мы ели мясо их баранов и жеребят, а их женщины приносили нам кумыс. Султан смыл кровью врагов позор похода на руссов, мы наполнили свои юрты добычей, а стада умножили так, что для них не хватало пастбищ. Но милость Бархудар не вечна: отец внезапно умер. Жучиль, как старший сын, занял его место. Мои братья Курза и Селихан умерли в ту же ночь, когда Аман встретился с Бархударом, а я откочевал на север, потому и жив до сих пор. Здесь я встретил Лала и Улдуса, они спешили тебе на помощь, я не мог остаться в стороне³³.

Азамат замолчал. Выждав немного, заговорил Лал:

– Мы рады видеть тебя на зеленом ковре ковыля и приветствуем твоих друзей. Хоть с тобой и пришел Серп Гнева³⁴, но старое забыто, теперь мы топчем одну дорогу, сидим за одним костром, пьем из одной чаши. А значит, и враги, и дела, и заботы у нас общие. Мы на земле кубаев, через сто арканов от этого стойбища стоят два их бунчука. Они не нападают, пока их мало, но раз не уходят – скоро их станет больше. Кубаи прислали нам молоко и мясо, теперь мы не сможем пролить их кровь первыми, иначе вся степь проклянет наши имена.

Все примолкли, слышно было, как трещат дрова в костре. Жеребцов сказал:

– Ночью они не нападут. Если утром придет к кубаям подмога, мы должны услышать. Длинные уши слушают степь? Или мне послать своих?

– О, не беспокойся, Серп Гнева, ни один кубай не ходит полить ковыль без нашего ведома, правда, надо признать, и они не новички и знают о вашем прибытии, – отозвался Улдуз, – наши

³¹ Бьернене – шестипалые мохнатые зверюги, ездовые животные северных троллей, переводится как медведюля.

³² Бунчук – древко с шаром или острием на верхнем конце, с конским хвостом и двумя серебряными кистями, служившее в старину знаком власти, у мрассу бунчук мог носить только человек, под началом которого тысяча конных воинов.

³³ Азамат преувеличивает свое желание кому-то помочь, просто ему неудобно было в степи с одним бунчуком, вот и примкнул к походу.

³⁴ Серп Гнева – так степняки называют Жеребцова.

воины не снимают брони и не складывают оружие, кони стоят под седлом. Местные хотят отомстить, а мы заслужили их жажду крови, поэтому сон вполглаза – малая плата за вытопанные стоянки, которые не разорали ни мой бунчук, ни Ак-акча. Чего нельзя сказать о бойцах султанчи...

– Я знаю, Василий и его воины сделаны из железа, – поспешил Азамат сменить неприятную для него тему, – но и сталь нуждается в покое, особенно после напряженного труда, у нас впереди много ночей, которые не будут такими спокойными, перед нами лежат земли, где мало друзей, а сабель и стрел сколько угодно, поэтому лучше воспользоваться отпущенным нам судьбой временем и отдохнуть.

Мы разбрелись по шатрам. Мой временный дом уже стоял рядом с палатками Тве и Петра. Вокруг нашего лагеря стояли кругом обозные телеги, лошади и скот паслись недалеко от импровизированной стены. Я снял перевязь и ремни, но доспехи оставил. И уже собирался прилечь на многослойный войлочный матрас, как услышал:

– Куда прешь, Петруха, спит барин, нечего тут... – шипел Григорий.

– Цыц, Гришка, вот я тебе... – прогудел Жеребцов.

Я высунулся из шатра и увидел главу Славенской конницы, с мешком за плечами, который норовил отвесить моему дворовому увесистого пинка, но Григорий ловко изворачивался и снова преграждал Петру путь к палатке. Пируэты этой парочки были настолько уморительными, что я невольно расхохотался. «Танцующие с мешком» на секунду замерли, причем лихой всадник застыл на одной ноге, а Гришка смотрел на меня разинув рот. Эта картинка тоже не прибавила мне серьезности, и я кое-как выдавил:

– Пусти... его, Гриша... заходи... Петр... уха.

Жеребцов посмотрел на меня исподлобья, но невольно улыбнулся и прошел в шатер.

Я успокоился и предложил ему присесть на единственный деревянный табурет, сам плюхнулся на лежанку.

Петр опустил мешок на пол и сказал:

– Я принес тут кой-чо, приодеть тебя надо.

– В смысле? – не понял я.

– Ведро на коромысле, – буркнул главарь всадников, но все же объяснил: – Не годится твой доспех для степной битвы. У кубаев не сабельки, как у мрассу и прочих, а кривые тяжелые мечи – сыромятную кожу и кольчугу секут насквозь. Если с намета бьют – всадника поперек ополовинят, иногда даже башку следом у лошади срубуют. У них седла высокие, с приступкой – как на троне сидят, оттого им прямо бить не с руки, по спине или по боку супротивнику целят, когда мимо проносятся. Твои доспехи сзади и под мышками слабые, если сечи быть, а по всему так и выходит, – порежут на тикайскую лапшу.

Петр достал из мешка черную броню из вороненой стали. Она состояла из длинных пластин, соединенных толстыми стержнями, пропущенными в петли и расклепанными на концах в виде наконечников копий. На плечах и на боках пластины были плавно загнуты, закрывая плечи и подмышки. Гладкие поверхности брони были покрыты маленькими пирамидками.

– Примерь-ка, тока кольчугу надень английскую, чтобы руки-ноги полностью закрывала.

Когда я переоделся и с помощью Петра надел новый панцирь, то почувствовал себя неуютно: на плечи легла немалая тяжесть, а загибы пластин под мышками не давали до конца опустить руки вдоль тела. Но это было еще не все: на шее защелкнулся шипастый ошейник, с которого свисала вдоль спины узкая пластинчатая полоса до самой пятой точки, а на руках появились многочисленные браслеты с медвежьими мордами.

Жеребцов с удовольствием осмотрел дело рук своих и довольно крикнул:

– Ну-ка, походи, махни, будто мечом рубишь, – предложил он.

Двигаться было тяжело и неудобно, я пыхтел и потел под этой грудой железа.

– Ничо – первые десять лет тяжело, потом привыкнешь, – «успокоил» меня Петр, – а теперь я тебе косцы прилажу, из-за которых басурмане меня Серпом дразнят.

Он достал из мешка два длинных, не меньше двух метров, серпа: один, в виде полумесяца, приладил мне на правый локоть, второй, похожий на молодую луну на палке, – на левый. И, наконец, напялил мне на голову шикарный шлем – стальную оскаленную морду медведя, дал в левую руку небольшой круглый щит с изображением раскрытой когтистой лапы лесного хозяина. Стало и вовсе тяжело. Петр осмотрел меня с ног до головы, что-то подтянул, где-то ослабил: дышать стало легче, да и к давлению на голову и плечи я начал привыкать.

– До чего ладно сели железа, – восхитился конник, – хорошо Кудло все подгадал. Как влитой пришелся. Пойдем. Теперь конька твоего приоденем, тока локтями не шеруди – зарежешь еще кого.

Я вышел из шатра, осторожно ступая и оглядываясь по сторонам. Сергей и Григорий восторженно смотрели на меня во все глаза, разинув рот. Петр хотел пнуть Гришку, но тот снова увернулся, похоже, у них теперь соревнование – застань обозника врасплох, счет пока явно не в пользу командира всадников.

Глава славенской конницы одобрительно хмыкнул и деловито затопал к телегам, создающим заслон вокруг лагеря. Когда он подошел к ближайшей подводе, поставленной на бок, просто толкнул ее несильно рукой, она отлетела, как будто не имела никакого веса, открывая проход. Раздался оглушительный залихватский посвист, и вскоре из темноты вылетели несколько всадников, с ними – вороной белогривый жеребец, под стать Ассаму, но не такой рослый.

– Ну, чего глядишь? – сказал мне Петр. – Давай зови конька.

Я подумал про Ассаму и тут же услышал его злое ржание. Он вынырнул из тьмы и пошел легким шагом на жеребца с белой гривой. Подскочил и встал плотно: щека к щеке, надавил головой вбок. Но седой не поддался, стоял как вкопанный. Так они и застыли в лошадином единоборстве, только передние копыта стали медленно погружаться в землю.

– Ну, ну, – негромко проговорил Петр, уверенно подходя к жеребцам, – Чернышка, Ассамушка, не балуйте.

Он схватил их за морды и мягко развел в стороны. Я на секунду испугался, зная характер своего скакуна, но обошлось: Петр притянул головы коней к себе, гладил крутые шеи, что-то тихо нашептывал им прямо в уши.

Ассам опомнился, освободился, мотнув головой, и подбежал ко мне той особой рысью, которой приближался только ко мне, куснул за стальное плечо.

Всадники, приехавшие по сигналу Жеребцова, спешили и стали доставать из переметных сум металлические части чего-то грандиозного, деловито перекликаясь. Петр снова подошел к Ассаму и стал ему что-то негромко втолковывать. Конь внимал словам сотника и не пытался убежать или напасть, я даже почувствовал легкий укол ревности, но жеребец не кусал лошадику за плечо, и это меня успокоило.

Петр разрешил подойти своим людям, и они стали облачать коня в доспехи, затягивали ремешки, прилаживали седло. Ассам заартачился только когда ему надели огромный, причудливой формы шлем, но Петр достал кинжал и ударил острием прямо в железный лоб. Лезвие отскочило. Вопреки ожиданиям Ассам сразу успокоился.

Петр и его помощники разошлись в стороны. Передо мной предстал железный дракон. Рогатая голова, торчащие повсюду шипы, крупная чешуйчатая броня совершенно изменили вид моего скакуна. Он выглядел как грозный боевой механизм. Я забрался в седло. Вместо стремян были железные сапоги в виде когтистых медвежьих лап, на бедрах помощники застегнули широкие трубы, намертво закрепленные к бокам Ассамы, надели шипастые наколенники. Высокие луки седла закрыли пах и поясницу. Довершила мое боевое убранство небольшая юбка из железных пластин.

– Теперь поезди, Тримайло, помаши руками, пригнись вперед, опусти локти, ниже, еще ниже, вот так, – покрикивал Петр, – держи низко, когда в басурманские ряды будешь врываться.

Так мы упражнялись часа два: я усваивал новые для меня приемы. Как видно, учитель мой, Косматко, про такие не знал или не нашел нужным меня обучать конному бою в строю против степняков. А может, Петр передавал мне сугубо свои, особые знания.

Я узнал в эту ночь много нового: как врываться в боевые порядки врага, отступить, рубить саблей и косцами, поднимать коня на дыбы и приказывать ему лягать назад. Когда я уже начал валиться с коня от усталости, Петр сказал:

– Хватит, Василий, поесть тебе нужно и поспать. Доспех не снимай. Мало ли что... Да и привыкать тебе надо.

Не прощаясь, мы разошлись по шатрам, я кое-как улегся на лежанку, которую пришлось вытащить на середину шатра, чтобы косцы не задевали полотняные стены.

Если не ворочаться, то вполне комфортно, но проблема заключалась в том, что мне засыпалось только, как следует поворочавшись и только на правом боку.

Поэтому сон не шел, а только какая-то полудрема охватила мое тело и разум. И в этом пограничном состоянии между сном и явью мне почудилось, что я смотрю сверху на внутреннее убранство своего шатра и вижу себя, раскинувшегося на полу. Глаза полузакрыты, руки подрагивают. Я захотел взглянуть на лагерь и сразу очутился снаружи. Мне подумалось про вид с высоты птичьего полета, и рывок вверх перехватил дыхание и заставил сердце замереть. Правда, это все были фантомные ощущения, мое нынешнее состояние не предполагало газообмен и кровообращение.

Рядом с облаками степь выглядела как большой черный стол с группами свечек: вот наш лагерь, а это, неподалеку, красные светляки – костры кубаев. Как только я испытал интерес к тому, что происходит в стане противника, огоньки придвинулись и стали видны шатры и шалаши. В центре лагеря возвышался огромный бурый шатер, куда и направился мой тугор³⁵. Он, очевидно, следуя моему желанию, отправился на разведку в тыл врага.

В шатре весь пол был устелен войлоком, на котором лежали шесть огромных одеял из волчьих шкур. Каждое из них служило сиденьем для степняка самой угрожающей наружности.

Все – сыны грома. При оружии и в стальных панцирях, рядом с ними лежали зловещие кривые мечи со скошенными остриями и простыми черными рукоятками, без украшений.

Их лица и обнаженные до плеч руки покрыты ужасными шрамами, а застывшая навсегда гримаса жестокости внушала страх.

Говорил самый старший, судя по седой шевелюре:

– ...не знаю причин, по которым нарушать степные законы допустимо. За пятьдесят лет походов, что я помню, в Кругу Шести сживали люди и покруче нынешних. Вспомни хоть своего деда, Таргол! Он выезжал поохотиться, а мрассу прятались за Черный Июрз, боясь за свои стада и женщин...

– Да славится в веках его имя, – отозвался Таргол, молодой русоволосый степняк с перерубленным носом и золотым браслетом на правой руке.

– А теперь, – продолжил старый, – эти презренные дети шакалов не только кочуют по северу Дикого Поля, но и проливают кровь Таргутаев, исконных жителей этих мест. Их старший хан осмелился называть себя султаном, а незаконные полумужчины, которых зачали его конюхи, бродят по степи в компании русов. Я ненавижу даже следы копыт их коней. Но нападать ночью – позор. Я все сказал.

– Уважаемый Бырьэке замечательно объяснил нам правила степной войны, – нараспев протянул худощавый кубай с орлиным носом и пушистыми бровями, – но я не могу понять

³⁵ Тугор – нематериальный дух человека, который часто путают с душой.

другого: если, к примеру, два уважаемых мужа из родов, славящихся по всей степи, договариваются об обмене, ну, скажем, белого кречета на табун кобылиц хороших кровей. Они перед отцом небом и людьми пожимают руки... И вдруг один из них через день отказывается и оставляет любимую птицу себе! Обязан ли второй отдать ему своих лошадей?

– Нет, ничего второй не должен! А имя нарушителя договора должно быть проклято, сам он изгнан из рода! – ответил Бырьэке.

– Ты сказал, и все слышали! – продолжил мохнобровый кривонос. – А что случится с тем, кого изгнали родичи, за нарушение закона?

– Его жизнь, скот и женщин может взять всякий, кому это по силам, – отозвался коренастый чернявый кубай с темными блестящими глазами, похожими на маслины. – К чему ты клонишь, Тегирим?

– Это я к тому, Казим, что нарушивший запрет вне закона. А значит, с ним можно поступить по праву сильного. То есть как вздумается. Аман просил прохода через наши земли – мы позволили. Он бежал на русов. А нам до них дела нет. Когда он возвращался на Карлук, дал овец и коров в уплату. А потом, без красного копья³⁶, напал на наши стоянки, мы войско не успели собрать, пусть имя Амана и его сыновей проклянут и забудут. Перед нами его кровь – Азамат, младший султанчи, пусть ответит!

Кубай одобрительно загудели. Снова заговорил Бырьэке:

– Аман поступил отвратительно, за это Бархудар его поразил: нарушенный закон рухнет на любого, на владыку или простого пастуха, помните об этом.

Молчавший до этого кубай, чуть моложе Бырьэке, грузный, с длинными рыжими волосами, проговорил:

– Послушайте, Шестеро! Бырьэке и я помним времена, когда даже Тегирим не мог ничего сказать здесь, а сейчас он отмерил сорок зим.

– Но-но, зачем вспоминать старое, – начал было Тегирим, но примолк, потому что сидевший рядом рыжий кубай, которого он прервал, молниеносным движением приставил к его шее свой меч. Говоривший продолжил как ни в чем не бывало, не отрывая оружие от сонной артерии Тегирима:

– Считалось, что молодые слишком горячи и не могут дать дельный совет. И уже в те времена никто не посылал друг другу красное копье, а все кочевья нападали тогда, когда враг этого не ждет. Сейчас хороший момент напасть на Аманово отродье, а мы теряем время за пустой болтовней. Все пастухи на стоянке, пусть кричат и пируют. А мы сделаем крюк вокруг лазутчиков-мрассу и двумя колоннами...

В этот момент в шатер ворвался человек причудливого вида: на голове его красовался череп какого-то хищного животного, перед лицом висели на шнурках маленькие сушеные головы каких-то зверьков и птиц. Одет он был в одежду из шкур медведя и волка, причем сшита она была подобно одеянию арлекина, только вместо ромбов штаны и рубаху покрывали серые и бурые овалы.

Никем, кроме шамана, это чудо природы быть, конечно, не могло. Не успел я об этом подумать, как колдун сразу доказал, что он не какой-нибудь шарлатан, а самый что ни на есть чародей. Он истошно завопил и указал рукой прямо на меня, кричал он что-то вроде: «Аз-ром», а может, «Рос-газ!» – не расслышал с перепугу.

Я не знал, что случится, но инстинктивно отлетел в сторону. И вовремя: шатер за тем местом, где я находился, вспыхнул синим газовым пламенем. Мне сразу же захотелось назад, в лагерь. Я рванулся было к телу, но не тут-то было, меня дернуло обратно, за шею, с такой силой, что я перекувырнулся в воздухе.

³⁶ Если степняки собираются воевать, то посылают противнику красное копье.

Горло сдавила невидимая удавка, а шаман упирался на земле в такой позе будто тянул за веревку. Я попытался просунуть пальцы под аркан, но не смог его нащупать. Тогда я напряг мышцы шеи и приказал тугору лететь к телу, несмотря ни на что. С трудом, но я начал набирать высоту. Когда начал вылетать из дыры, прожженной магией, меня снова рвануло вниз.

Оглянувшись, я увидел, что шаман висит над землей, а за ногу его держит Бырьэке и пытается схватить невидимый аркан. Но и у него ничего не вышло – магическая веревка не позволяла к себе прикасаться. Тогда старейшина кубаев стал отходить назад, удерживая по-прежнему шамана за ногу и затягивая меня в шатер. Следуя звериному инстинкту, я рванулся вверх, чем сделал себе еще больнее.

Страдание порождает ярость. Я резко развернулся и полетел назад. Бырьэке не смог удержаться на ногах и упал вместе с шаманом. Я сделал две петли вокруг шеи колдуна: удивленный чародей ухватился за горло и полетел вслед за мной.

Тегири и Таргол прыгнули одновременно за шаманом, но помешали друг другу и не смогли его поймать. Я взмыл вверх, через дыру в потолке, колдун только ногами задергал. Теперь я взял уверенный курс на русский лагерь. Кубайский чародей, кувыркаясь, продел веревку под мышками, и она перестала его душить. Наверное, он мог и вовсе от нее избавиться, но мы набрали немалую высоту. Мне было не особо уютно, но я как-то притерпелся, тем более что тугору дышать не нужно и боль в очередной раз просто обман восприятия.

Лагерь очень быстро приближался, и, чтобы вражеский служитель культа не расслаблялся, я резко спикировал вниз и шваркнул шамана башкой о телегу. Он упал безвольным кулем меха и потерял свой шлем-череп. Давление на горло сразу прекратилось. Как только я влетел в тело, сразу почувствовал свои затекшие руки-ноги, пересохшее горло. Я крикнул Гришке, чтобы воды принес, и аккуратно встал. Мой верный соратник подал мне ковш, и я сразу отправил его к Петру, передать весть о нападении кубаев. Сергию поручил, чтобы взял пару человек и вышел из лагеря забрать мой трофей – шамана.

Дворовые странно посмотрели на меня, но ничего не сказали, а бросились исполнять мои указания. Направив локти с косяками назад, я пошел к шатру главного конника. В лагере поднялась суета, обозные тащили припасы в середину круга, образованного телегами, которые они уже поставили на бок и засыпали их землей. Окапывали лагерь рвом. Кавалеристы седлали коней за импровизированным укреплением. Петр вышел из своего шатра в полном вооружении, гладкие сверкающие доспехи мерцали в свете костров. Его косяцы угрожающе блестели отточенными лезвиями, на щите – изображение вздыбленного коня. Я невольно залюбовался этой машиной смерти, готовой к бою.

– Откуда про кубаев знаешь? – спросил Петр.

Я все ему рассказал, но соврал, что сделал вылазку. Про моего своевольного тугора Жеребцову знать незачем. Глава конников молча выслушал, пожурил меня за самоуправство и стал громко раздавать приказы:

– Обозным лагерь укрепить и за рвом схорониться. Полусотне Тимохи Гладкого коней отдать, в лагере остаться. Лучникам глядеть в оба, за припасы башкой отвечаете. Тве с сотней следовать за нами. Захар Кошка со своим десятком пусть за Тримайло глядит. Трегуз старшим среди большаков идет второй линией, тролли следом. Едем слева от лагеря в колоннах по десять человек, – и, уже тише, – ты, Василий, к Трегузу поспешай, Захар присмотрит. Мрассу я весточку отправил, они нашу атаку поддержат. Рыжий, которого ты видел, – Чичегул, самый опасный из Шести. Если встретишься, уклоняйся от боя, старайся прижаться к большакам, на него вдвоем, а то и втроем наседать надобно... Ну, с Богом!

Я унял дрожь в руках, от внутреннего напряжения пересохло во рту. Подъехал Тве, сунул оплетенную флягу, я машинально отхлебнул. Сладковатая жидкость приятно согрела горло перцем и пряностями – сбитень. Тве хлопнул меня по плечу со всей пролетарской дружелюбностью так, что, если бы не закрепленные намертво ноги, я мог вылететь из седла. Ассам фырк-

нул на бьернене тролля. Но Тве уже возвращался к своим, потрясая всеми четырьмя руками, оружием и щитом. Подъехал суровый кавалерист со шрамами на лице, представился:

– Я, Захар Кошка, приставлен ноги охранять.

– Не понял, – удивился я.

– В сече поймешь, ты, главное, вокруг поглядывай, своих не затопчи и в куче не застывай надолго, конный бой простор любит. Поехали, что ль, – тронул своего коня Захар, держась справа. Слева пристроился еще один всадник, остальные восемь плавно образовали колонну по два, следовали сзади. Такие же небольшие отряды двигались за всеми большаками. Недалеко рысил Трегуз, помахивая своим Дубасом³⁷. Справа ехал незнакомый сын грома, он достал из ножен длинный прямой меч и положил его поперек седла. Команды и разговоры смолкли, и в предрассветных сумерках слышен был только топот копыт. Так мы двигались некоторое время, вглядываясь в туманную степь. Как вдруг к ставшему уже привычным мерному перестуку копыт добавился едва слышный шепот: «Слышь? Ссышь?»

Захар скомандовал:

– Щиты!!!

Среди конных рядов слово отозвалось эхом подхваченного приказа:

– Щит, щит, щит...

О мой панцирь разлетелась стрела, наконечник печально звякнул о броню Ассама и скатился на землю.

И прошипел залп лучников: «Зас-с-сышь!!!» Стрелы посыпались смертоносным дождем, застучали по плечам, по шлему, по доспехам коня.

Передние ряды во главе с Петром с гиканьем и посвистом бросились вперед. За нашими спинами показало свой край солнце, и я увидел темную лавину врагов, ринувшуюся навстречу нашим. Кубаев было гораздо больше, чем русских. Возглавляли их атаку шесть вождей в круглых черных полушлемах, с конскими хвостами на макушках, на огромных мохнатых лошадях. Их мощные руки сжимали кривые мечи и небольшие щиты в форме ромба.

Петр бросил коня в галоп и сделал резкий зигзаг, объехал поднявшего меч Тегирима и врезался в гущу вражеской конницы. Низко нагнувшись и опустив косцы, Тегирим с удивлением смотрел на кровавый пенек, который торчал вместо его левой руки. Сама конечность валялась поодаль, все еще сжимая щит.

Кубайские всадники оглушительно визжали, бросаясь на русских. Но наши передние ряды боя не приняли и стали разъезжаться влево и вправо, осыпая врага градом копий, сулиц и стрел.

Там, где мчался Петр, ковыль становился красным. Кубаи разлетались в разные стороны, целиком и частями. Руки, ноги, головы подлетали над неприятельской лавиной, словно повинаясь умелым рукам циркового жонглера. Я видел, как правый косец вонзился в пах визжащего кубая, отделив ногу и часть туловища. Я не к месту подумал, вот оно как, «серпом по яйцам».

Но тут мне стало не до наблюдений: шестеро вождей ринулись вперед. Даже Тегирим, несмотря на страшное увечье, поднял свой меч и, заливая кровью из кульги своего коня, понесся прямо на Трегуза. Княжий гридень увернулся. Охранявший его десяток брызнул враспынную. Трегуз небрежно отмахнулся назад и размозжил кубаю затылок Дубасом. Смятый шлем отлетел в сторону, а огромное тело Тегирима с грохотом рухнуло на землю.

– Не спи, Тримайло! – заорал Захар.

На меня рысью ехал Таргол, направляя острие меча прямо в лицо. Ассам резко принял в сторону, избегая удара, и тут же снова прынул в сторону жеребца Таргола, позволив мне по достоинству оценить мое снаряжение и полученные от Петра уроки. Закрепленные ноги не позволили мне упасть, а правый серп скрежетнул по броне на крупе кубайского коня. Живот-

³⁷ Дубас – имя дубины Трегуза.

ное не было ранено, но этот тычок изменил направление движения коня, и ответный удар Таргола лишь скользнул по моей спине. Но при этом, к моему изумлению, отсек хвост из пластин, закрепленный на стальном ошейнике, оставив глубокую зарубку на панцире. Я поневоле приник к гриве коня.

– Не разворачивайся, только вперед! – закричал Захар, возвращаясь на свое место, остальные всадники его десятка тоже восстановили строй. – Сейчас давай в намет. И наезжай на кубаев, по левому краю. Тока глубоко не суйся!

Многие бойцы кубаев полегли от сулиц, копий и стрел, поэтому вражеская лавина стала объезжать павших и разделилась на два потока, теряя скорость. Я ворвался в смешавшиеся ряды противника, низко опустив косцы. Я легко разрезал кожаные и даже стальные панцири, отсекал конечности, калечил людей и лошадей. Кубаи метали арканы, петли захлестывали шею, руки. Но Захар сотоварищи рубили веревки. Убивали и ранили всадников, которые пытались объединиться и сдернуть меня с коня. Некоторые кубаи спешили и бросались на ноги Ассама. Я не мог дотянуться так низко, и снова меня выручала десятка Захара Кошки.

Вскоре мы вырвались из вражеского строя на простор. Кубаи покатались дальше, прямо на троллей, но тут зазвучал хриплый вопль боевого рога. Трубил Бырьэке. Степняки развернулись и вскачь понеслись в открытую степь.

Захар заорал:

– Правь на троллей, затопчут!

Мы старались быстро убраться из-под копыт вражеской конницы, при необходимости вступая в короткие победоносные стычки. Мои соратники умело завязывали схватки, быстро подводя своих противников под мой меч или серп. Мы снова вырвались на открытое место, оставив за собой кровавый след из мертвых и раненых. И тут на меня наехал с визгом Чичегул. Его мощный мохнатый жеребец хотел толкнуть грудью Ассама, но мой конь развернулся и не допустил столкновения. Чичегул оказался сзади и ударил мечом по моему железному воротнику, а когда обогнал меня, то и спереди. Два стальных полукольца со звоном отлетели в траву. Чичегул развернул коня и снова атаковал: его меч, словно размытый мазок, грозил то слева, то справа, оставляя глубокие зарубки на моих щите и броне. Я опомнился и стал активно использовать косцы, резко выбросил вперед руку со щитом и попал рыжему кубаю по колену кованым краем. Чичегул закусил губу, но продолжил быстрые выпады, стараясь прорубить мою порядком потрепанную броню. Двужильный степняк бил так сильно, что у меня перехватывало дыхание. Но и ему пришлось сделать паузу, перевести дух. Воспользовавшись передышкой, я вернул ему все сторицей: щит, серпы и сабля превратились в сверкающую карусель. На боках и руках Чичегула появились кровавые пятна, правая щека распухла от удара щитом.

Но кубай не сдавался. Неожиданно он отшвырнул свой щит и схватил меч двумя руками, рубанул сверху. Ассам чудом увернулся, меч Чичегула чуть не развалил ему голову надвое. Но, как говорят бильярдисты, хороший удар зря не пропадает. Кривое лезвие отсекло мой левый серп и часть щита. От удара я и Ассам завертели на месте. Я тут же отставил уцелевший правый серп как можно дальше, и мы превратились в смертельный вертолет. Кубай не стал приближаться, но медленно двигался по кругу, удерживая меч в вертикальном положении, положив его тупой стороной на лоб. Чичегул приближался по спирали. Он старался подъехать по ходу моего движения и напасть сзади.

Я позволил ему оказаться за спиной и резко рубанул саблей назад, целясь в меч. Мой замысел удался! Тыльная сторона клинка неглубоко вошла в плоть противника, навсегда разделяя его лоб на две части. Но Чичегул, стяхивая кровь с глаз, поднялся на деревянных ступеньках своего седла и размахнулся во всю свою мощь.

В этот момент Захар Кошка с налета проткнул пикой голень кубая, пригвоздив его к броне коня. Древко сломалось, причиняя Чичегулу немалые страдания, разбрызгивая вокруг кровь и мелкие частички кожи и мышц. Смертоносный удар его кривого меча застыл на пол-

пути. Рыжий гигант посмотрел на нас черными глазами, полными боли и ярости. Но прищипнул коня и быстро скрылся за горизонтом, расталкивая убегающих кубаев. За ними мчались мрассу, наставив в спины врагов длинные копья.

Ко мне подъехал Петр, залепленный бурой жижей, больше не похожий на стальную статую, а скорее на человека с содранной кожей. Прямо на груди торчало чье-то ухо с куском скальпа. Заметив мой взгляд, Петр смахнул неприятный фрагмент небрежным жестом, как обитатель высоких кабинетов сбрасывает пушинку с пиджака Каналли или Валентино.

– Поехали в лагерь, Василий. Гнать кубаев по их же земле – занятие глупое и опасное, – сказал командир конников, отдавая жестами приказ отступить, – скоро мрассу это почувствуют на своей шкуре.

– Надо предупредить Азамата... – начал было я.

Но Петр резко прервал меня:

– Бесплезно! Ему гонец от меня про это был, но мрассу ждали вторую колонну с другой стороны лагеря, а кубаи оттуда так и не пришли. Битву Аман сотоварищи, выходит, простояли в стороне и теперь хотят показать свою полезность. За сечей они остались, только кубаи откуда-то знали, что ты все разведаль, и не стали силы дробить. А ты неплохо справился: Захар с парнями хорошо отзываются. Но приказ ты нарушил, с Чичегулом в одиночку схватился. Кабы не Кошка, могли бы тебя недосчитаться. Не своевольничай больше, а то до Жории не доедешь. Теперь по-быстрому в лагерь, отдыхаем, завтра – в путь-дорогу!

– А мрассу? – поинтересовался я.

– Долбаный тавазский глаз, не зря тебя Сивуха мрассолюбцем называет, сдались тебе эти вонючки степные. Что голова у них, что жопа: погналы коней в степь. Кубаи щас по оврагам попрячутся, а союзнички наши коней подзагоняют и шагом обратно. От тут и узнают, зачем кубаю загогулина, – доходчиво объяснил Петр, – доспехи у тебя негодящие, надо бы небесным железом разжиться... Но чтобы такое добыть, на Север ехать надо... А ну, тихо, всем стоять!

Со стороны лагеря слышался звон оружия и крики, но происходящее было скрыто от глаз невысоким холмом. Я тронул пятками Ассамы, но Петр подхватил моего коня под уздцы и негромко, но веско сказал:

– Ни с места, Васька, помнишь, что я тебе про своеволие говорил. Всем в строй, как давеча, и по местам стоять, обходить холм, как прикажу, посолонь³⁸. Захар, Стефан – на разведку, осмотреться и обратно. Чирикан – в дозор!

Трое всадников спешили, достали из переметных сумок длинные кожаные чулки и надели их на ноги лошадей. Уже почти беззвучно они поскакали к холму. Захар и Стефан обогнули холм слева и справа. А Чирикан поднялся на вершину, постоял там с минуту и развернул коня обратно, галопом подлетел к Петру и доложил, довольно скалясь:

– Сугаки там, сотни четыре. Было больше, но наши их вокруг лагеря сложили немало. Холм энтот с той стороны пологий, прямо у подножия – лучники, навесом бьют, ошую³⁹, стадо наше пастухи сугакские гуртуют, а конники их толпятся возле вала, со всех сторон лагеря, того гляди перелезут.

Петр тоже заулыбался:

– Славная добыча! Да в начале похода! То добрый знак! Строй по-другому сложим. Трегуз с большаками прямо через холм на лукарей наедут. Тве! Своих надвое раздели, с двух сторон холма пойдешь. Остальные – со мной, стадо отобьем. И смотрите, чтобы пастуха хоть одного, но живого, поймали. Как со скотом управлюсь – сразу к вам возвращусь. Большакам,

³⁸ Посолонь – по часовой стрелке.

³⁹ Ошую – слева (др. слав.).

слышь, Трегуз, на вершине дожждаться, как тролли холм обогнут, и тогда разом в атаку! Рубить теридаксов⁴⁰ так, чтобы сок до Славена добрызнул.

Когда я поднялся на холм, моему взгляду открылось поле брани. Сугаки в меховых безрукавках и мохнатых малахаях кружили вокруг небольшого вала из телег и земли, осыпая защитников лагеря стрелами, простыми и зажигательными. Наши схоронились за невысоким укреплением и закрылись большими красными щитами и невесть откуда взявшимся плетеным навесом из ивняка.

Вокруг лагеря валялось на земле немало убитых и раненых сугаков. Кое-где куча тел сравнялась по высоте с краем вала. Пропела визгливая дудка, и степняки соскочили с лошадей и бросились по телам соплеменников, размахивая копьями и кривыми саблями. Из-за красных щитов, с вершины вала, полетели стрелы и сулицы, разя врагов, сметая их с вала.

Как только поредевшие шеренги все-таки влезли наверх, в дело пошли тонкие и длинные пики, зловеще засверкали в зыбком свете костров и пожаров смертоносные наконечники. Защитники лагеря били наискосок. Прямо в правый, неприкрытый щитом бок атакующих степняков. Передний ряд сугаков рухнул, как подкошенный. Тела убитых и раненых покатались вниз, сшибая замешкавшихся кочевников, пытающихся влезть на вал.

– Тримайло! – Зычный голос Трегуза заставил меня вздрогнуть. – Заснул, что ли! Давай за мной!

Я осмотрелся: тролли на своих шестилапых бьернене двумя неторопливыми лавами появились из-за холма. Петр со своими всадниками уже скрылся из виду, а первые большаки уже достигли лучников, которые все еще стояли к ним спиной, увлеченные стрельбой. Некоторые сугакские стрелки, лежа на земле, натягивали ногами большие луки и стреляли навесом, по лагерю, их метательные снаряды были размером с небольшое копьё.

Большаки протоптали копытами коней кровавые дорожки. Трегуз страшным ударом Дубаса подкинул сугака-лучника с земли до уровня своих глаз и, как заправский бейсболист, отправил бедолагу прямо в командира стрелков, степняка на мохнатой лошаденке. Люди и конь рухнули бездыханными.

Я до лежащих на земле стрелков не дотягивался ни серпом, ни саблей: глубоко наклониться не давали закрепленные ноги и стальная юбка, поэтому пришлось просто пустить Ассама прямо. Конь хрустел костями врагов, иногда притопывая на месте.

Тролли почти сомкнули кольцо вокруг сугаков, но тут замысловато просвистела все та же визгливая дудка, и степняки рванули в оставшуюся пустоту между смыкающимися бурями рядами бьернене.

Но сегодня был явно неудачный день для конников Дикого Поля. Строй замкнул подоспевший Петр со своими нестигаемыми стальными всадниками. Удар бронированной конницы был такой силы, что передние ряды сугаков подлетели в воздух, как брызги. А наши вонзились в боевые порядки противника, как раскаленный нож в масло.

Тролли набросились на сугаков, как волки на стадо овец, вышибая булавами степняков из седел, сдергивали их лишней парой рук и душили на весу. Их бьернене не отставали от хозяев, приподняв передние лапы, они напоминали обозленных тарантулов, хватали всадников и отрывали им головы, пробовали хлещущую кровь на вкус.

Очень скоро все было кончено. Невесть откуда взявшиеся тучи ворон нетерпеливо орали свое «как?», летая прямо над головами так низко, что иногда задевали крыльями шлемы.

Но пиршество крылатым вестникам смерти пришлось отложить.

Наши, к моему удивлению, деловито стаскивали трупы сугаков в одну кучу под присмотром десятников, которые вели учет количеству трупов.

Я спросил Петра:

⁴⁰ Теридаксы – настоящее слово, которое употребил кавалерист, все равно не напечатывают.

– Зачем это?

– Э, да ты не знаешь! Сугаки – шакалы травы, они шастают скрытно по степи и грабят караваны и путников, тянут все, что плохо лежит. А все добро и рабов они меняют на золото. А друг другу не доверяют, вот и придумали: носить под одеждой кольчугу из монет, у одного она покороче, у другого подлиннее, это как удача улыбнется, но у каждого есть!

Когда сугаков стащили в неаппетитную кучу из меха и плоти, десятники намылили руки, надели длинные кожаные перчатки, посыпали их пеплом из костра и начали раздевать трупы и срывать с них монеты, которые бросали в бочонки с мыльной водой. Зрелище было не из приятных. Так что я по-быстрому удалился.

Палатки в лагере пестрели черными пятнами от зажженных стрел, повсюду сновали обозные и дружинники, приводили общими усилиями в порядок телеги, грузили на них кладь.

Наблюдая за муравейником лагеря, мне вспомнились мемуары Цезаря о галльских войнах. Каждый легионер обязан был тащить деревянный кол, который использовали для укрепления лагеря. Это гораздо удобнее, чем калечить телеги, а потом их восстанавливать. Я немедленно отправился к Петру, чтобы поделиться соображениями на этот счет, но когда его нашел, сразу понял, что с инновациями в области фортификации придется повременить. Петр восседал на деревянном кресле, положив ногу на бочонок, а перед ним стояли на коленях двое сильно избитых степняков.

– Кто ночью угнал чужой скот, повинен смерти, – рычал Жеребцов, посверкивая глазами, – так у русов, и так у всех народов степи; кто посягнул на жизнь, будет казнен. Ваши вониючие кишки в моей руке, чем можете продлить свои дни? Говорите или умрете!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.